

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

ТРИ ДНЯ ИНДИГО

Измененные

Сергей Лукьяненко

Три дня Индиго

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьяненко С.

Три дня Индиго / С. Лукьяненко — «Издательство АСТ»,
2021 — (Измененные)

ISBN 978-5-17-146198-0

«Три дня Индиго». Второй роман из цикла «Изменённые», продолжение романа «Семь дней до Мегиддо». Прошло всего две недели с того момента, как Максим Воронцов стал Призванным и защитил Гнездо Изменённых. Но события совершают новый и неожиданный поворот. На этот раз помощь Максима требуется могущественным и таинственным Продавцам... а наградой за эту помощь может стать то, чего он хочет больше всего на свете. И этот путь уведет его далеко за пределы Москвы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-146198-0

© Лукьяненко С., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Глава пятая	37
Глава шестая	43
Глава седьмая	50
Глава восьмая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Лукьяненко

Три дня Индиго

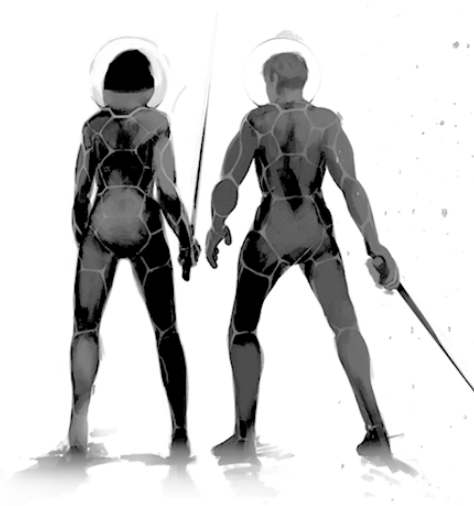
© С. Лукьяненко, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ТРИ ДНЯ ИНДИГО

Издательство АСТ
Москва

Часть первая

Глава первая

Обычно я на ночь плотно задергиваю шторы. Не люблю, когда лунное кольцо светит в глаза.

Но эта ночь была слишком хорошей. Дождь прошел и кончился к полудню: теплый дождь в последний день марта. Воздух был в самую меру прохладным, так, чтобы можно было всю ночь лежать без одеяла и лишь под утро укрыться. Поэтому я оставил окно распахнутым и лежал, глядя на потолок, где бегали тени от фонарей. С улицы доносились голоса запоздавших прохожих, звуки шагов и проезжающих изредка машин. И разговаривал с Дариной.

– К нам сегодня привезли девочку, – рассказывала она. – Большая уже, четырнадцать лет. Спрыгнула с балкона пятого этажа, вся поломалась.

Я поморщился, спросил:

– Дурында. Из-за несчастной любви, конечно?

– Нет. Чтобы стать Измененной. Мне кажется, ее могли и люди вылечить, позвоночник цел. Но родители не выдержали, привезли к нам.

– Такую взрослую?

– Мы берем и в этом возрасте. Если иного выхода нет. А она сказала, что спрыгнет снова или выпьет отраву, если ее не возьмут.

– Взяли?

– Да.

– И... что?

– Пока жива. Дня через два будет ясно, как сработал мутаген.

– А ты уже знаешь, кем она станет?

Дарина помолчала. Эти вопросы Измененные обсуждать не любили.

– Есть потенциал хранителя, – сказала она неохотно, но с затаенной надеждой. – Либо старшая стража, либо хранитель Гнезда.

Я понимал, что это значит. Если девочка изменится и станет хранителем, то Дарина сможет остаться жницей. Мы оба этого хотели. Может быть, потому Гнездо и приняло девочку, опасно взрослую для Изменения.

– Пусть ее мечта исполнится, – сказал я.

– Глупая мечта, – вздохнула Дарина. – А знаешь, о чем я мечтаю?

Закрыв глаза, я кивнул. Потом сказал вслух:

– Да.

– Я хочу лежать с тобой, – сказала она. – В твоей кровати. Прижиматься к тебе. Закрывать глаза и уснуть. Проснуться, а ты рядом.

– Нет, меня рядом не будет, – ответил я строго. – Я буду на кухне варить кофе. И принесу его тебе в постель.

Она тихонько рассмеялась.

– Спасибо. Мне никто и никогда не приносил кофе в постель... Спокойной ночи, Максим. Тебе надо спать.

– Тебе тоже.

– Мне это не так часто нужно. Спи, Максим.

Она засопела, очень уютно, словно мы были рядом.

– Сплю, – согласился я.

Дарина отключилась. Я опустил руку с кровати, нашарил телефон и положил трубку на рычаг.

Надо все-таки завести радиотелефон. После Перемены, когда сотовые стали бесполезны, люди с перепугу принялись ставить обычные проводные телефоны. Откуда их столько оказалось-то на складах! Все боялись, а вдруг Инсеки запретят любую радиосвязь, не только мобильники? Но против радиосвязи на близком расстоянии пришельцы ничего не имели.

На самом деле пришелец возле Земли был всего один. Вот только мало кто из людей об этом знал. Я знал, ну так у меня этот месяц выдался очень познавательным...

Тряхнув рукой тумбочку, я разбудил часы. Экран высветил половину первого ночи.

Значит, познавательным был прошлый месяц.

Хорошо, что он кончился. В апреле я буду спать до обеда, гулять с Дариной, искать кристаллы, как порядочный серчер, и, наверное, готовиться поступить в институт. Вести почти обычную человеческую жизнь (гулять с жницей – это не совсем обычно, признаю).

Но спать я точно буду много. Вот прямо сейчас засну и...

В прихожей запищал домофон.

Секунд пять я лежал в слабой надежде, что это какой-нибудь припозднившийся гость ошибся номером квартиры.

Еще секунд пять надеялся, что это случайно позвонивший пьяный или хулиган.

А еще пять секунд быстрым шагом шел к двери, ругаясь себе под нос.

Был еще, конечно, вариант, что ко мне заявился монстр. Однажды ведь уже приходил.

Но монстры в дверь не звонят, нет у них такой привычки. Они ее пытаются выбить.

– Да! – зло выкрикнул я, снимая трубку. Изображение на маленьком экране домофона было довольно четким, на таком расстоянии скорость передачи данных еще позволяла видеосвязь.

На экране шмыгал носом и озирался какой-то мелкий, лет семнадцати, паренек. Он не походил ни на монстра, ни на хулигана. Так, оболтус-старшеклассник, шатающийся по ночам. В его возрасте, сразу после Перемены, я бы ночью на улицу выйти не рискнул, тогда полный бардак творился.

– Это... доброй ночи... – пробормотал парень, пялясь в глазок камеры. – Мне Максим Воронцов нужен.

– Я Максим, – нахмурившись, я разглядывал лицо. Что-то знакомое в нем было.

– Хай, Макс! – парень оживился. – Я свой, серчер. Серега! Сережка с Большой Бронной! Забыл?

Серчеров с Малой и Большой Бронной я знал. Мы с ними не ссорились. Серегу не помнил.

– Сережка с Большой Бронной? – повторил я.

– Мы год назад тусили, – Серега не то обиделся, не то расстроился, что я его не узнал. – У старшего вашего, на днюхе.

Вот теперь я вспомнил. Старший нашей тусовки, Виталий Антонович, прошлым летом отмечал «неюбилей» – ему стукнуло тридцать девять. Старший объявил, что сорок лет не отмечают, но праздника хочется, и устроил празднование под названием «неюбилей» в бильярдном клубе. Были все наши и многие из соседних компаний. Среди них болтался и мелкий дрыщ, которого приятели звали «Сережка с Большой Бронной». Он очень быстро нахлебался пива (к напиткам покрепче его не подпускали), порвал сукно на бильярдном столе и был с позором изгнан. Впрочем, празднование «неюбилея» прошло так бурно, что подвиг Сереги остался одним из самых безобидных.

За последний год Серега явно вырос и окреп, даже голос перестал петушиться.

– Чего тебе? – спросил я.

– Пусти, разговор есть. Тебе сообщение!

Последние слова были сказаны с таким восхищенным придыханием, словно Серегу отловили на улице как минимум президент России и велел сгонять по-быстрому к Максиму Воронцову.

– Ну заходи, – вздохнул я, открывая замок подъезда.

– Ты охраннику скажи, что я свой, он меня уже раз выставил! – обиженно сообщил Серега.

Пришлось позвонить нашему консьержу, Виктору Андреичу, бывшему военному, человеку крепкому, не расстающемуся с дубинкой, и после одного происшествия очень не любящему молодых ребят, идущих ко мне в гости.

Пока серчер поднимался, я натянул джинсы, подумал мгновение, но за пистолетом в сейф лезть не стал, взял со столика ключи с брелоком-куботаном и сунул в карман.

На всякий случай.

Впрочем, когда я открыл дверь и впустил Серегу, даже эта перестраховка показалась мне смешной. Серчер хоть и раздался в плечах, но был почти на голову меня ниже и такой возбужденно-радостный, что подозревать его в злодейских планах не стоило.

– Половина первого, – сказал я и зевнул. – Я рано ложусь.

– Извиняй, – Серега махнул рукой. – Да я сам уже собирался дома быть, опять мамка все мозги проест...

Он с любопытством огляделся, спросил, понизив голос:

– Твоих не разбудим?

– Серега, я не школьник. Я один живу, – ответил я.

Серчер надулся:

– Я тоже не школьник... почти. Короче, я тут кристаллик надыбал, хороший гринк... ну как хороший, неплохой, решил сразу в Комок сбросить...

– На Леонтьевском? – уточнил я.

– Ага.

– Рядом где-то нашел? – поинтересовался я.

Глаза у Сереги забежали. Нашел он кристалл, ясное дело, рядом. На нашей территории. Потому и решил сразу от него избавиться.

– Нет, у нас, на Малой Бронной...

– Забудь, – сказал я. – Ну, нашел, чего дальше?

– Продавец спросил, знаю ли я тебя, – выпалил серчер. – Я, конечно, говорю: «Знаю, бывали вместе!» А он тогда попросил: «Сходи, говорит, к Воронцову домой, передай, чтоб ко мне зашел!»

Да уж, необычно. Продавец чего-то попросил! Понятно, чего Серега такой взбудораженный.

– Что дал за это? – поинтересовался я.

Серега не стал отпираться, очень уж ему хотелось похвастаться.

– Во! – Он бережно достал из кармана джинсов узкий футляр, открыл. Там лежали поисковые очки. С виду обычные зеркала, только в них кристаллики, за которые у Продавца можно купить что угодно (хоть мотоцикл «Харлей Дэвидсон», хоть бриллиантовое кольцо для подружки), сразу видны. На дужке очков был крошечный светодиодный фонарик.

Хорошие очки, дорогие. У меня самого такие.

– Подарил? – заинтересовался я.

– Продал, за гринк. А таблетки, которые я хотел купить, подарил. Они еще дороже стоят.

– Ты бы с таблетками завязывал, – сказал я, хмурясь. Что от меня надо Продавцу? Такого срочного, чтобы посылать среди ночи гонца?

– Таблетки не наркота! – оскорбился Серега. – У меня дед – диабетик. Лекарство экспериментальное, восстанавливает поджелудочную, прикинь? Говорят, никакого инсулина больше не надо.

– Молодец, – одобрил я и похлопал Серегу по плечу. – Хороший внук. Ладно, спасибо, я зайду в Комок.

– Ты это... ты сейчас иди! – занервничал Серега. – Он сказал – пусть Максим сразу идет! Это я и так понял, но надо же было держать марку.

– Подумаю, – сказал я.

– Продавец велел передать: у него есть то, что тебе очень нужно! – выпалил Серега и довольно ухмыльнулся.

– Эй, гонец! – Я не удержался и постучал парня по лбу пальцем. – А что еще важное ты забыл передать?

Серега не обиделся, видать, понял, что перегнул.

– Нет, всё.

– Адрес мой Продавец сказал?

– Нет, я в кафешку заглянул, где ваши сидят. Спросил у Виталия Антоновича.

Я вздохнул.

Мы, конечно, теперь с нашим старшим в особых отношениях. Но плохо, что он знает о неожиданном интересе ко мне со стороны Продавца. Лишнее это.

– Ясно. Спасибо, Серега.

– Нельзя с тобой в Комок? – спросил серчер. Понятное дело, ему было до жути интересно.

– Нет, – ответил я. – У меня с Продавцом свои терки!

Серега и не рассчитывал, конечно, что я его прихвачу с собой. Он и без того был счастлив перепавшим на халяву очкам, да и что рассказывать в компании ему теперь найдется.

– Пойду, – сказал он. – Ты это, сходи сейчас. Продавец все-таки.

Я кивнул, закрыл за ним дверь.

Прислонился к косяку. Постоял. А потом сказал тихонько:

– О, да!

От Продавца мне была «очень нужна» только одна вещь. У них, конечно, можно купить всё, что есть на свете, – статую Венеры Милосской, шапку Мономаха или пригоршню изумрудов.

Но мне-то нужно другое.

Рубашку я надел яркую – сине-желтую «гавайку» чуть больше размером, чем мне нужно. Подумав, набросил подаренный когда-то Продавцом плащ. Во-первых, ему будет приятно, во-вторых – плащ хорошо спрячет кобуру.

Да, времена сейчас стали поспокойнее, но придурков ночами все-таки хватает.

Пару недель назад я на таких наткнулся у самого Комка. Но в тот момент, как я теперь понимаю, во мне проявился пришелец, Высший, разбиравшийся в происходящей на Земле заварушке. Если бы незадачливые грабители этого не почувствовали, им бы пришел конец.

Теперь Высшего не было.

Я сам по себе.

А мне нельзя умирать по-глупому. У меня очень большие планы на эту жизнь.

Ночь и впрямь стояла хорошая. Я дошел до памятника Тимирязеву, насчитав по пути десятка два одиноких прохожих и несколько больших компаний. Люди просто гуляли, шли из гостей и ресторанов. Доносился смех, взбодораженные алкоголем, но не агрессивные голоса. Прошла целая группа китайских туристов, фотографирующих ночные улицы. Гид что-то певуче им рассказывал. Центр, даже после полуночи народ гуляет...

Над головой сияло лунное кольцо. Наш бедный спутник, разваленный Инсеком на фрагменты, вращался вокруг планеты в виде пояса астероидов. Среди мелких и крупных обломков плыл угловатый осколок – Селена, самый большой кусок прежней Луны. Где-то на нем было место посадки «Аполлона-11», но американцы утверждали, что в процессе разрушения Луны историческое место было утрачено. Не знаю, как так вышло, если с Земли смотреть – так все кратеры на месте, поверхность казалась не сильно поврежденной. Селена походит на широченный конус, вырезанный в Луне поворотом исполинского лезвия и навечно обращенный к Земле основанием.

Со спутников снимали обратную сторону Селены. Там неровным багровым шаром светится остывающее ядро, расползшееся, раскинувшее застывшие каменные острия. Красиво и жутко.

А еще где-то там космический корабль Инсека.

Я на нем был.

Жаль, что ничего не видел, кроме одного-единственного коридора и полудохлого пришельца...

Шел я по Тверскому бульвару, идти тут всего ничего, и минут через десять собрался завернуть перед МХАТом в Шведский тупик.

Тут меня и окликнули с бульвара – в очень знакомой манере:

– Друг мой, друг мой юный, дорогой!

Я остановился и увидел спешащего ко мне от памятника Есенину человека, одновременно нелепого и трогательного. Андрей, литературный бомж, кочующий между памятниками поэтам, оделся по погоде и даже с некоторым шиком: почти чистые бермуды, яркая рубашка с закатанными рукавами, повязанный вокруг шеи пестрый платок. Немного портило впечатление то, что он был босиком и что ему стоило бы постричься с год назад.

Но поэтам и душевнобольным такие мелочи простительны.

– В городе вялом и старом – лица молодого лезвие! – воскликнул бомж. – Словно в дурмане пьяном слово услышать трезвое!

– Здравствуйте, Андрей, – сказал я. – Как ваши дела?

– Дела? Дела? – забормотал бомж, озираясь. – Говорить ты хочешь об этом? Какие дела могут быть у голоса мертвых поэтов?

– С лутом хорошо? – терпеливо спросил я.

Андрей потряс головой, будто выбрасывая из нее рифмы-паразиты. Сказал уже спокойнее:

– С лутом хорошо, без лута плохо. А как у вас дела, добрый друг мой?

– Всё в порядке, – ответил я. – Надо заглянуть в Комок.

– Не люблю Продавцов, – вздохнул Андрей.

– Именно Продавцов, не Инсеков? – любопытствовал я.

– Всё это договор, договор зверей окраски разной, – бомж хихикнул. – Пойду я к Сереже, посижу до утра, почитаю ему... А вы приходите на новоселье! Там, дальше по бульварам! К Володе я пойду, к Высоцкому. Пил он еще больше Есенина, но надрыв у него другой, деятельный. Да, деятельный у него надрыв! А Сережу я не выдерживаю, всего-то день с ним провел – в глазах черная жуть! Но надо, надо и его навещать!¹

Он побрел обратно к памятнику, недовольно отмахнувшись от библикнущей и притормозившей машины.

А я покачал головой и двинулся дальше.

У Комка стояли две девушки, мрачно-суровые, в джинсах и рубашках мужского кроя. На меня они глянули настороженно и оценивающе. Подергали дверь, пошептались, потом

¹ С. Есенин. «Страна негодяев».

с явным недоумением отошли. Комок выглядел... ну, как Комок. Бесформенная масса размером с двухэтажный дом, упавшая когда-то с неба и застывшая. Зато дверь была самая обычная – деревянная, со старомодной ручкой-скобой.

– Закрыто, – сообщила мне одна девушка.

Похоже, они были свои, серчеры, хоть и незнакомые.

– А вы с лутом? – спросил я и заслужил презрительно-насмешливый взгляд.

Без лута в Комок можно войти лишь один раз. Продавец расскажет, что именно ему нужно, покажет разноцветные кристаллики, продемонстрирует разные ништяки, которые у него есть. А в следующий раз двери откроются, лишь если ты найдешь кристаллы.

– Странно, – согласился я. Но все-таки дернул ручку.

Дверь открылась.

– Эй, мы раньше пришли! – возмутилась девушка.

Я отпустил ручку и пропустил девчонок.

Дверь захлопнулась у них перед носом. И открываться не захотела, сколько они ее ни дергали.

– Знаете, кажется, Продавец ждет меня, – сообщил я.

Та девица, что пообщительнее, рассмеялась. Потом посерьезнела и замолчала. Спросила:

– Так бывает?

Конечно, я не собирался рассказывать ей лишнее.

– Говорят, если Продавцу нужен какой-нибудь особый кристалл, – сказал я, – то он первым выпускает серчера, который его принес.

– А что у тебя? – поинтересовалась девица. Вопрос был не очень приличный, но я ответил:

– У меня? Блок в форме пирамиды.

– Редкая штука, – согласилась девица. Помялась, посмотрела на подругу. – Ну попробуй снова.

Я дернул ручку, дверь открылась.

– Без обид, – сказал я и вошел в Комок. Добавил: – Вряд ли вам стоит ждать, это может затянуться надолго.

Внутри помещение было разделено серым матерчатым занавесом, идущим от самого потолка. Потолок слабо светился, воздух стал ощутимо прохладнее – Продавцам нравилась температура около пятнадцати градусов. Большую часть Комка отделял высокий прилавок, за которым колыхался занавес и стоял Продавец – похожий на крупного человека, закутанного во множество накидок. Так мог бы выглядеть какой-нибудь пузатый арабский шейх, попавший в холодный климат, или солдат наполеоновской армии, намотавший на себя кучу тряпок при отступлении из России.

– Максим, – сказал Продавец негромко. – Снаружи холодно?

– Нет, но в вашем плаще не жарко.

– Это хороший плащ, – кивнул Продавец. – Но он не мой, он ваш. Рад вас видеть.

– Доброй ночи, – ответил я. Подошел ближе. Лицо Продавца (ну, та часть, которая выглядывала из-под ткани) выглядело совсем как человеческое.

Нет, надо добавить: как встревоженное человеческое.

– Это недобрая ночь, – не согласился со мной Продавец.

Ну началось! Понеслось дерьмо по трубам!

– Согласен, – сказал я. – Собирался уже спать, а тут явился ваш посыльный.

В конце концов, это он ко мне обратился.

– Мне нужна помощь, – сообщил Продавец. – Я не могу обратиться к человеческим властям... вы понимаете, почему?

– Потому что там полно Прежних, – зло сказал я. – О чем вы мне могли бы рассказать и раньше... избавив от кучи неприятностей. А Прежние вас не любят.

Продавец помолчал, потом терпеливо продолжил:

– Совершенно верно. От Прежних я помощи не получаю. Они не пускали нас на Землю, не позволяли наладить столь полезное торговое сотрудничество с людьми... В результате мы помогли Инсекам взять контроль над Землей. Что, разумеется, испортило наши отношения еще более.

Вот этого я не знал. Значит, Продавцы не просто получили от Инсеков право торговать с людьми. Они еще и помогли им в схватке с Прежними!

– А что ж Инсеков не попросите? – не удержался я.

Продавцы не любят отвечать на вопросы. Но он ответил. Значит, дела у него и впрямь неважные.

– Инсек недоволен нашей ролью в недавних событиях. С его точки зрения мы... развлекались. И тем самым довели ситуацию до опасного уровня.

– Могу его понять, – сказал я злорадно. – Ну, хорошо. Значит, вам нужна помощь от меня?

– Да. Ты не лучший выбор, – Продавец пожал плечами. – Но у тебя есть потенциал, и ты уже многое знаешь. Лучше ты, чем кто-то другой.

Я недоверчиво хмыкнул.

– Еще я представляю, чем тебя можно заинтересовать, – сказал Продавец.

– Удиви меня, – сказал я ехидно. – Раз я «не лучший выбор», то предложи побольше и дай выбирать мне.

Может быть, и зря, потому что Продавец насмешливо прищурился.

– Хорошо, ты сам попросил. Я предложу выбор, Максим. У меня есть два товара для оплаты твоих услуг. Первый – это информация. Я расскажу, кто такие Прежние, кто такие Инсеки, кто такие мы, что такое кристаллы и зачем они нам, для чего Инсек разрушил Луну, каким было прошлое человечества и каким может стать его будущее. Я расскажу про Измененных, куда они исчезают из Гнезд и какими бывают. Это очень хороший товар, Максим! Ни один человек на Земле не владеет таким объемом информации. Более того, одной частью информации владеют Прежние, другой владеют Инсеки, но все знания будут лишь у тебя. Это куда меньше, чем знаю я, но это всё, что нужно знать человечеству.

– Офигеть, – сказал я искренне. – В чем подвох?

– Во втором товаре, – ответил Продавец. – Это возвратный мутаген. Любой Измененный вернется к своему человеческому состоянию. На всякий случай уточню: здоровому и полноценному, даже если в момент мутации особь была повреждена.

– Ты говорил, что это запрещенный товар и вы больше никогда его не продадите!

– Да. Поэтому я считаю оба предложения равноценными.

Зря я с ним так нагло говорил. Зря!

Предложи он мне информацию или мутаген, я был бы счастлив. И не раздумывал бы ни секунды.

Теперь мне надо было выбирать.

– Информация не позволит мне получить мутаген? – спросил я.

Продавец покачал головой. Добавил:

– А мутаген не даст тебе информации. Люди не смогут его проанализировать и скопировать. Это порция мутагена на одного. И это большая драгоценность.

– Вы меня удивили, – признал я. – Всё, я понял! Извините. Я нахамил. Я готов, я сделаю всё, что угодно, за оба товара!

Продавец покачал головой:

– Нет, Максим. Это урок вежливости, ты прав. Но изначально я и не собирался предлагать тебе информацию. Я знаю, что тебе нужно, цена справедлива.

– А если я выберу информацию? – спросил я.

– Мы же оба знаем, что ты выберешь, – ответил он.

Да, мы оба знали.

– Возвратный мутаген, – сказал я. – Хорошо. Хрен с ней, с информацией, кое-что я и так уже знаю... Кого мне надо убить?

– Убивать не надо, – ответил Продавец. – Убийство уже случилось. Некоторое время назад в Комке на Шлюзовой набережной был убит Продавец.

– А... – сказал я. Помолчал. – Убит?

Продавец кивнул.

– То есть вас можно убить? – уточнил я.

– Убить можно кого угодно и что угодно, – сказал Продавец. – Можно убить Инсека, собственно говоря, он уже убит, но существо такого уровня развития умирает очень долго. Можно убить Прежнего, можно убить даже Высшего, хотя это потребует усилий, соизмеримых с уничтожением звезды. Можно убить девочку-жницу, можно убить тебя. Можно убить веру, можно убить надежду, можно убить любовь. Всё смертно. И мы тоже.

– У меня есть один знакомый поэт, – сказал я медленно. – Могу познакомить, вы чем-то похожи... И что вы хотите от меня?

– Выясни, кто и как убил Продавца. Сообщи мне. Всё.

– А казнить злодея не надо? – спросил я с подозрением.

– Я боюсь, что тот, кто смог убить Продавца, тебе не по зубам, – без всякой рисовки ответил Продавец. – Тут был бы нужен Высший. Но он покинул вашу планету, и он не стал бы вмешиваться. Так что просто узнай.

– Хорошо, – сказал я. – По рукам!

Продавец послушно протянул руку, тоже вполне человеческую на вид, но я не спешил. Сказал:

– Только обсудим детали!

Продавец вздохнул и повернулся к занавесу:

– Тогда я принесу чай. Похоже, разговор будет долгим.

– Мы же не спешим, – сказал я.

Но Продавец ошибся. Разговор оказался не просто долгим, а очень долгим. Мы спорили почти два часа. К концу разговора я уже пожалел, что пил чай, – туалета в Комке, как сообщил Продавец, не было.

Вот и доверья после этого внешнему сходству с людьми!

Глава вторая

Гнездо, в котором жила Дарина, расположено в Гнездниковском переулке, в здании бывшего Министерства культуры. Название переулки совпало со словом «Гнездо» случайно, Дарина даже удивилась, когда я указал ей на этот факт. Просто Измененные предпочитали занимать под Гнезда большие здания, не слишком важные для людей.

Министерство культуры подошло идеально.

Его, кстати, так и не восстановили после Перемены. Я на днях узнавал, оказалось, что временный Департамент культуры вначале открыли при Министерстве сельского хозяйства, потому что там были свободные площади, потом быстренько перевели в Министерство просвещения, но вскоре учителя взбунтовались от избытка культуры, а сейчас присоединили к Министерству спорта – где департамент и по сей день замечательно работал.

Наверное, это что-то говорит о нашей культуре.

Снаружи Гнездо обросло «паутиной», из которой Измененные делают одежду и даже строят части Гнезда, а еще немного продают людям. Паутина не горит, не гниет, восстанавливается при повреждениях, самоочищается, а одежда из нее меняет размер вместе с хозяином. У меня есть трусы из паутинного шелка, я однажды в них ходил в поход на четыре дня.

Полицейских постов у Гнезда не было, Измененные этого не любят. Где-то наверняка стояла камера, но с тех пор как Инсек ужал для людей скорость передачи данных на расстоянии, все камеры стали стационарными, на флешках. Я вошел через главный вход и оказался в фойе, с его сумрачным (как во всем Гнезде) светом и наваленной повсюду мягкой рухлядью: ковры, подушки, матрасы, одеяла, мягкие кресла. Это Гнездо выглядело именно так, и я, увы, знал, по какой причине.

У дверей стояла стража – Измененный, мутировавший в охранника. Он или она (у стражи разница стиралась) походил на человека, но не так, как куколки или жницы. Выше ростом, лицо шире человеческого и одновременно заостренное, вытянутое, как у птицы. Глаза темные, радужка сливается со зрачком. Челюсть очень крупная, тоже выдающаяся вперед, руки длиннее, кисти массивнее. Из пальцев, я знал, в случае необходимости могут выдвинуться ядовитые когти. Ну и кожа – жесткая, в каких-то пупырышках, будто рябая.

Три недели назад это Гнездо было убито. Выжили жница Дарина и куколка Наська. Потом стали появляться новые Измененные, но они пока еще оставались куколками – почти неотличимыми от человеческих детей.

Стража была здесь гостем. Измененные редко переходят из Гнезда в Гнездо, разве что в стадии куколки. Но ситуация сложилась столь необычная, что в итоге помощь все-таки оказали – две жницы и четыре стражи временно поселились в этом Гнезде. Они уйдут, когда несколько куколок пройдут трансформацию и смогут занять их место.

– Привет, Же, – сказал я.

Когда стража была человеком, его или ее звали Евгением или Евгенией. Я не интересовался.

– Привет, – сказала стража. Помолчала и добавила: – Сейчас ночь. Ночью ходить по улицам опасно.

– Я осторожно хожу, – успокоил я Измененного.

Несмотря на устрашающий внешний вид и объем знаний (учились они очень быстро), все Измененные – дети или подростки. Первая мутация возможна в возрасте до четырнадцати-пятнадцати лет, Гнезда возникли восемь лет назад, так что самым старшим Измененным – двадцать три. Ну, допустим, двадцать четыре. В любом случае они младше меня.

А этой страже двухметрового роста могло быть и пять лет, и шесть. Не удивлюсь, если при этом она умеет решать в уме дифференциальные уравнения и знает кучу вещей, неизвестных

мне. Но где-то в основе – она ребенок, мальчик или девочка дошкольного возраста. И твердо знает, что на ночных улицах страшно.

На самом деле куда страшнее то, что с ней сделали. Вот только выбора ни у нее, ни у ее родителей не было. На Изменение отдают смертельно больных детей, мутаген первой фазы исцеляет всё.

– Ты пришел к Дарине? – спросила стража с любопытством.

– Да.

– Я не могу тебя проводить, – стража беспокойно затопталась на месте. – Я дежурю у входа.

– Ничего страшного, – успокоил я. – Меня проводит Гнездо.

Обычному человеку, подошедшему к Гнезду слишком близко, становится неудобно. Это работает психологический щит, оберегающий Измененных. Но Гнездо не только создает щит, оно по сути своей разумно, в нем отпечаток сознания всех, кто был в нем изменен. С Гнездом можно общаться, оно может помочь... конечно, если ты свой.

Я был своим. Три недели назад Дарина призвала меня для защиты Гнезда. С тех пор Призыв был снят, но невидимая связь между мной и Гнездом осталась.

Полковник Лихачев, который работает в отделе «Экс», занимается пришельцами и многое о них знает, рассказывал, что некоторые призванные сходят после Призыва с ума, уходят в монастырь или ведут замкнутый образ жизни. Не могу понять, почему. Мне нравилось слышать Гнездо и общаться с ним. И уезжать на край света, чтобы молиться там Богу или жить охотой и собирательством, я не планировал.

Как по мне, Москва такой город, где тоже приходится непрерывно молиться и заниматься борьбой за пропитание.

«Здорово, – подумал я, обращаясь к Гнезду. – Ты как?»

Я слышал голос Гнезда как шум морских волн, иногда очень тихий, умиротворенный, иногда грозный, штормовой. И в этом шуме появлялись слова-образы, словно сотканые из шепота сотен голосов.

В общем, трудно объяснить, как это.

Гнездо ответило, что всё нормально. В нем есть жница и двенадцать куколок. И еще шесть гостей, стражи и жницы. Гости немного смущали Гнездо, но оно готово было их терпеть. Конечно, когда в Гнезде появится хранитель и мать – станет легче. Пока их работу (уж не знаю, в чем именно она заключалась) выполняло Гнездо. А еще Гнезду нравилось, что прошедший день был солнечным и сухим. Внутри Гнезда всегда влажно, но солнечный свет снаружи ему приятен.

Я внимательно выслушал Гнездо. Мне кажется, ему нравилось поговорить вот просто так, не с Измененным, а с человеком.

Потом я попросил проводить меня к Дарине и тут же понял, куда идти.

На самом деле она была в своей комнате. Большинство жниц любят уединение; у них есть какие-то комнаты, где раньше сидели люди, занимающиеся культурой.

Без остановки я, впрочем, к Дарине не дошел. На полпути на меня из коридора выскочила Наська – единственная куколка, уцелевшая при разгроме Гнезда. Молча, будто атакующий доберман, запрыгнула на меня со спины и повисла, словно рюкзак.

– А! – тихонько воскликнул я.

Наська точно так же тихо взвизгнула и от избытка чувств стукнула меня по голове. Шутя, конечно. А так куколки сильнее взрослого человека, могла бы и оглушить.

– Чего среди ночи? – требовательно спросила она.

– Дела, – сказал я, стряхивая ее и оборачиваясь. Куколки одеваются как попало, паутиновые костюмы, как жницы или стражи, не носят, а одеждой, по-моему, меняются совершенно свободно. Внешний вид им, в общем-то, безразличен.

Вот на Наське сейчас были зимние ботинки (ужас, в теплом и влажном Гнезде!), шорты и толстый колючий свитер взрослого размера с горловиной (еще раз ужас).

– Знаю я ваши дела, – заявила Наська беззастенчиво.

– А ты чего не спишь?

– Мы утром поспим немного. У нас занятия.

Я вопросительно посмотрел на нее.

– Прятки на выживание. Кого найдут последним – тот молодец.

– Приз какой-нибудь получит?

Наська скорчила жалобное лицо.

– Да! Разрешат поесть немножко!

Поскольку я Наську знал, то на слезу меня не пробило.

– Ну беги тогда. Прячься.

– Ты жестокий и бессердечный! – заявила Наська, вытирая пальцем несуществующую слезинку. И унеслась по коридору.

Похоже, куколки и впрямь играли в прятки.

Я торопливо дошел до комнаты Дарины, открыл дверь и проскользнул внутрь. Стучать у Измененных было не принято.

Дарина лежала ногами к двери на матрасе, застеленном одеялом, и читала какую-то книжку. В ушах у нее были капельки наушников, рядом лежал плеер, подаренный мной неделю назад. Она очень смешно болтала в воздухе ногами в такт музыке, я невольно улыбнулся и постоял немного, глядя на нее.

Потом, как мог тихо, подкрался к ней (пол был покрыт в несколько слоев коврами и одеялами), присел и закрыл ей ладонями глаза.

Вообще-то дурацкий поступок. Жница может убить человека голыми руками.

Но я не боялся.

– Знала, что ты придешь, – сказала Дарина. Оттолкнула книжку, перевернулась на спину.

Я осторожно убрал ладони, посмотрел в ее сиреневые глаза и поцеловал. Вынул наушники. Из них едва слышно доносилась музыка – кто-то призывал порвать тишину, проклинать тьму и проклинать свет.

Мы целовались, пока песня не кончилась.

Потом я лег рядом и спросил:

– Гнездо сказала?

– Нет, я чувствовала, что ты придешь, – ответила Дарина.

Может быть, она и впрямь почувствовала. А может быть, хотела, чтобы я пришел.

– Дарина... – Я взял ее за руку. – Случилась странная история. Меня позвал к себе Продавец. Я только что из Комка.

– Так, – ее голос сразу посерьезнел. Она коснулась плеера, отключая его.

– Кто-то убил Продавца в Комке. Не в том, что рядом. На набережной. Продавец просит меня выяснить, кто это сделал.

– Не ввязывайся! – быстро сказала Дарина. – Максим! Это либо Прежние, либо Инсеки!

– Инсек один, и он сидит в своем корабле на Селене.

– Тогда Прежние. Тем более!

– Мне не надо ни с кем драться. Только выяснить, кто это сделал.

Дарина помолчала мгновение. Спросила:

– Что он тебе пообещал?

– Возвратный мутаген.

Теперь она замолчала надолго. Я приподнялся, посмотрел на жницу.

Дарина плакала.

– Ты не хочешь снова стать человеком? – спросил я.

Она прижалась лицом к моей груди. Прошептала:

– Хочу. Очень хочу. Но лучше я буду жницей, а ты живым.

– Дарина, я не буду рисковать. Это вроде частного расследования. Приду, посмотрю, попытаюсь понять.

– И тебя убьют!

– Кто?

– Не знаю. – Она села. – Максим...

Я молчал. Дарина безнадежно заглянула мне в глаза.

– Тебя не переубедить?

– Нет.

– Тогда рассказывай.

– Да нечего еще рассказывать, – вздохнул я. – Наш Продавец никаких деталей не раскрыл. Может, и сам не знает? Сказал, что Продавец на набережной был убит вечером, между девятью и одиннадцатью часами. Об этом никто не знает, ни полиция, ни власти. Комок закрыт, откроется только для меня. Я могу привлекать к расследованию тех, кто участвовал в истории с вашим Гнездом.

– То есть меня, Наську...

– Ни тебя, ни тем более Наську я привлекать не стану!

– А зря, кстати, – сказала Дарина. – Она прочитала, по-моему, все детективы на свете.

– А я прочитал несколько кулинарных книг. Только, кроме яичницы, ничего готовить не научился.

Дарина улыбнулась.

– Согласна... Хорошо. Тогда ты можешь привлечь деда Борю, Елену, Виталия, Василия, Милану, Лихачева.

– Зачем?

– Они умные люди, они многое знают. Елена – врач, Милана – биолог. Тебе разрешено осмотреть тело?

– Мне разрешено делать с ним всё, что угодно, – сказал я. – Только нельзя его выносить из Комка.

– Ну вот! Лихачев – полицейский и много лет занимается пришельцами. Да он на тебя молиться станет, если ты позволишь осмотреть Продавца! Елена и Милана проведут вскрытие...

Я поморщился.

– Если ты хочешь добиться результата, то придется это сделать, – сказала Дарина.

– Да... но... Наверное, да, – я вздохнул.

Никакого любопытства я не испытывал. Продавец как-то сказал, что они лишь на первый взгляд человекоподобны. Что он даже не гуманоид (хотя как это возможно, ведь гуманоид – это как раз существо, внешне напоминающее человека). Но похож он на человека или нет, красная у него кровь или зеленая, млекопитающее он или рептилия – ковыряться в мертвом теле я не хотел.

Что ж, значит, и впрямь – Елена... и Милана.

– Я не ревную, – напомнила Дарина.

– А зачем деда Борю, Василия, Виталия? – быстро сменил я тему.

– Сам решай, – сказала Дарина. – Но мне кажется, они очень обидятся, если ты их не позовешь.

– Обидятся, – признал я.

Приняв решение, Дарина больше не пыталась меня отговорить. Сев по-турецки, она уперлась руками в матрас, посмотрела в стену. Глаза ее затуманились, их сиреневый свет

померк, только зрачок бился, будто она невероятно быстро считывала что-то с невидимого мне экрана.

С ней сейчас было Гнездо. Жница общалась с ним, запрашивая и получая информацию с невозможной для меня скоростью и свободой. Я сидел тихо, смотрел на нее и боялся прикоснуться, чтобы не вывести из транса.

Обычно Измененные не показывают чужим такие штуки. Но я чужим не был.

– Ничего... – выдохнула Дарина, обмякнув. – Информации по Продавцам очень мало, в основном – запросы и получение мутагенов и прочих товаров. Что-то есть для уровня хранителя и матери, но тоже немного. Информации по уязвимости, силе, происхождению, характеру отношений с Инсеками и людьми вообще нет.

Она виновато глянула на меня.

– Я ведь даже не знала, что Продавцы помогли Инсекам захватить Землю.

– Инсеку, – поправил я.

– Вот видишь. И этого я не знала! Я только жница. Учю куколок, помогаю в Гнезде. Может быть... если я пройду до хранителя...

Она не закончила.

– Нет! – сказал я. – А если я не справлюсь, и мы не получим возвратный мутаген?

– Если я стану хранителем, то могу и не захотеть вернуться, – тихо ответила Дарина. – Дело ведь не в том, что у меня глаза сделаются как у вареной рыбы. У меня в голове тоже всё переварится. Гнездо будет главным и единственным.

Я не стал спрашивать, но она ответила на незаданный вопрос:

– Сейчас главное – это ты.

Взяв ее за руку, я погладил пальцы. Кожа у жниц очень гладкая, будто тефлон. Но я привык. Мне даже нравится.

– Если бы у нас была стратег... – прошептала Дарина. – Даже идти бы никуда не понадобилось! Она бы подумала и сказала, кто убийца...

Но стратега на Земле больше не было. Высший увел ее с собой – и тем самым остановил надвигающуюся катастрофу. Мы были в шаге от нового Армагеддона, но тот не случился.

Я осторожно погладил жницу по спине, по обтягивающему комбинезону. Ткань мягко разошлась под пальцами, я коснулся кожи – такой же гладкой, но теплой.

– Максим! – строго произнесла Дарина.

Но мы оба знали, что если бы она не хотела, то комбинезон бы не раскрылся. Я осторожно начал стягивать ткань, Дарина вздохнула и легла на живот. Сказала капризно:

– Я собираюсь спать. Не знаю, что ты там надумал... но я непреклонна и уже сплю...

Я поцеловал ее между лопаток, жница вздохнула, замерла под моими губами. Несколько секунд лежала расслабленно, пока я спускался губами вдоль спины, потом перевернулась и воскликнула:

– Нечестно!

Глаза у нее смеялись и наливались сиреневым мерцанием. Я не останавливался, она задыхалась чаще, рывком присела и стала стаскивать с меня джинсы.

– Еще более нечестно... – прошептал я, почувствовав касание ее губ.

* * *

Конечно же, кончилось тем, что мы все-таки уснули вместе. Может быть, Дарина и не спала: когда я засыпал, она смотрела на меня и тихо-тихо гладила по щеке, когда проснулся – сразу встретил ее взгляд.

Было девять утра. У Дарины начинался ее обычный день в Гнезде. Она будет учить куколок, в чем бы эта учеба ни состояла. А мне пора приступать к своей неожиданной работе.

Я отказался от завтрака (хотя у Измененных на удивление хороший кофе). Деньги в кармане были, я собирался что-то съесть по пути. Дарина ушла куда-то в глубины Гнезда, я направился к выходу.

И обнаружил у выхода Наську, болтавшую со стражей.

Собственно говоря, мне хватило одного взгляда, чтобы всё понять. Куколка оделась как «приличный человеческий ребенок»: брючный костюмчик и школьного вида черные туфли.

А еще на голове у нее было серое кепи.

– Нет, – сказал я.

– Чего «нет»? – с вызовом спросила Наська.

– Вот это «нет»! – Я ткнул пальцем в кепи. – Трубку тоже взяла?

– Курить вредно.

– Ну и какой из тебя детектив, если без трубки? А еще ты меня очень огорчила! Подслушивать – фу!

– Я не подслушивала! – возмутилась Наська. – Мне Гнездо велело наблюдать за расследованием!

– Что?

Я мысленно потянулся к Гнезду. И получил ответ, на удивление твердый и уверенный.

Да, это Гнездо посылало со мной Наську. Не то чтобы наивно считало ее почерпнутые в детективах знания полезными. Но Гнездо хотело знать, что происходит. Дарина уйти не могла, а куколка – вполне.

Стража с любопытством смотрела на нас.

Что она вообще обо мне думает? Человек, призванный, живущий со жнищей... Редкий экземпляр!

– Наська, я не могу тобой рисковать, – сказал я.

– Я не ребенок, я не человек вообще!

– Не важно!

– Меня убить труднее, чем тебя!

Это, конечно, было правдой.

– Нет, – сказал я. Мысленно обругал Гнездо, так, что оно растерянно притихло. – Ты остаешься, занимаешься учебой, получаешь свои пятерки с плюсом. Потом я непременно всё тебе расскажу и посоветуюсь. Считай, что ты детектив, а я твой помощник, который на месте всё изучает.

– Как Ниро Вулф и Арчи Гудвин?

– Кто? Да, наверное. Я твой Ниро Вулф.

Наська хихикнула.

– Вулф толстый как монах, сидит в кабинете. А бегают Гудвин.

– Прекрасно. Я Арчи Гудвин. Гудвин великий и ужасный. Иди, почитай «Волшебника Изумрудного города».

– Давно прочитала.

– Тогда в прятки поиграй!

– Ладно, – неожиданно согласилась Наська. – Так даже интереснее.

Я с подозрением посмотрел на нее, но Наська надулась и быстрым шагом ушла, оперев руки в бока.

– У нее избыток энергии, – пожаловался я страже. – Реактивная девчонка!

– Маленькая еще, – согласилась стража важно. – Ей же всего десять лет.

– А тебе? – не удержался я.

– Одиннадцать.

Вздыхнув, я отсалютовал страже и вышел из Гнезда. Прикинул, как лучше добираться, и повернул к Тверской.

Ехать тут недолго, три станции. Выходя на Павелецкой, в неожиданно большой толпе, я уже выбросил Наську из головы.

И только увидев серое кепи чуть ниже на эскалаторе, понял, что зря.

Похоже, упомянуть игру в прятки было ошибкой.

Выкатившись наверх и обнаружив меня, стоящего с мрачным видом, Наська никакого раскаянья не проявила. Развела руками и спросила:

– Ну и что ты сделаешь?

Сделать я ничего не мог.

Силой потащить назад? Ну, во-первых, это вызвало бы подозрение окружающих. А во-вторых, если Наська упрется – я ее и с места не сдвину.

– Сяду и буду сидеть на скамейке, – сказал я.

Мимо шли люди, толкаясь и бормоча в мой адрес не слишком лестные эпитеты.

– Сяду рядом и буду ждать.

Я сдался.

– Только сегодня. Хорошо?

– Максим, ты самый-самый лучший! – выпалила Наська. – Не пожалеешь, зуб даю! Вот, держи!

Она полезла в карман и действительно вытащила оттуда зуб! Молочный. Видимо, зубные феи к Измененным летать боятся.

Вздохнув, я стал выбираться из метро. Наська व्यоном пробиралась следом. Несколько здоровых мужиков, которых она мимолетно сдвинула с пути, растерянно смотрели вслед. Никто, конечно, и представить себе не мог, что куколка разгуливает по Москве, будто человеческий ребенок.

Глава третья

Накануне Перемены в Москве было меньше тысячи таксофонов. Стояли они в таких местах, что многие москвичи про них вообще не знали и уж тем более никогда не звонили. Зачем, если в кармане даже у ребенка или старика есть сотовый?

Но зато таксофоны были бесплатные.

Теперь сотовой связи нет, телефонные будки вернулись в города (говорят, какой-то древний завод на этом озолотился), но надо платить за звонок.

Я остановился у таксофона рядом с метро, вставил карточку в аппарат и набрал номер отдела «Экс». Хорошо помнить числа – это очень удобно, не нужно таскать с собой блокнот.

Их производители, кстати, тоже выиграли от Перемены.

Не знаю, сколько народа служит у Лихачева в подчинении, никогда там не был. Но вначале трубку взял мужчина с резким командным голосом, потом я добрался до какой-то юной девицы. И лишь потом мне позвали полковника.

Чутье у него имелось. Впрочем, после недавних событий я бы очень удивился, откажись он от встречи. Я сказал, что подожду у Комка на Шлюзовой набережной, полковник ответил: «Буду через пятнадцать минут», и в трубке запикал отбой.

– Полковнику никто не пишет, – сказала Наська, толкущаяся возле будки. – Полковнику все звонят.

У нее очень медленно шла первая фаза мутации, она несколько лет провела неподвижно. Лежала и читала книжки, их на удивление много оказалось в Министерстве культуры. Читала, похоже, всё что попало, не только детские книжки или детективы. Может, поэтому немного странная.

– Идем, – сказал я. – Подождем на месте.

На самом деле мне не хотелось дожидаться полковника. И когда мы дошагали до Комка, и я там никого не обнаружил, меня это порадовало.

В этом Комке я никогда не был. Он упал на уродливое невысокое здание, в котором размещался фитнес-клуб и какие-то государственные конторы. Кажется, даже почта, и это меня позабавило – на Мичуринской тоже «Почту России» накрыло падением Комка.

Может, Продавцам когда-то посылку не доставили?

Этот Комок был почти правильной формы, напоминал расплюснутую каплю, или спелую фигу, ну или хинкали – если вы грузин... Прочие ассоциации я оставил за невоспитанной куклой.

На моих глазах к дверям Комка подошла молодая женщина. Дернула ручку. Удивилась. Подергала еще. Пожала плечами и пошла навстречу нам, к метро.

Видимо, нечасто ей приходится продавать кристаллы, иначе удивилась бы сильнее. Серчеры знают, что Комки открыты всегда.

– А нас пустят? – шепотом спросила Наська.

– Меня пустят, – ответил я с уверенностью, которой не испытывал. Ночной разговор с Продавцом казался сейчас нереальным.

Мелькнула мысль: а не зайти ли самому, оставив Наську снаружи? Но если она уйдет и заблудится?

– Что именно тебе сказала Гнездо? – строго спросил я, когда мы подошли к дверям.

– Что свершилось ужасное злодеяние! – с готовностью ответила Наська. – Кто-то убил Продавца! И тебе надо выяснить, кто, – тогда друзья покойного дадут тебе кучу всякого добра!

– В целом верно, – признал я. – Ты не боишься увидеть мертвеца?

Наська ответила не сразу и на этот раз очень серьезно:

– Максим... Когда у нас Гнездо убили, я помогала Дарине тела носить. Только мне стражу или монаха тащить было тяжело, особенно если они остались целыми. Я носила куколок.

Она помолчала секунду.

– Своих друзей.

Черт. Меня как под дых ударили. Вот эта ее веселость и энергия – они порой заставляют забывать, что передо мной куколка. Которую родная мать отдала в детстве в Гнездо. Которая несколько лет лежала, пока мутаген боролся в ней с опухолью. Обычно на это не нужно много времени, но тут что-то пошло не так. Дарина говорила, что к ней редко заходили другие куколки – дети не очень-то умеют сочувствовать.

А потом, когда она все-таки поправилась и у нее появились друзья, их всех убили.

– Извини, – сказал я. – Глупость спросил.

– Ничего, – ответила куколка. – Это у всех бывает. Ты не бойся за меня, я не стану пищать. И ничего не буду хватать и лезть куда попало. Нас учат дисциплине.

– Вот в этом я сомневаюсь, – признался я.

Мы были уже перед дверью, а Лихачева еще не наблюдалось. Пробок в Москве нынче нет, слишком дорогой бензин, но ведь могло его что-то задержать?

– Зайдем, – решил я и взялся за ручку двери.

Дверь открылась легко. Комок действительно ждал моего появления.

Я вошел первым, огляделся.

Ну, всё как обычно. Глухая стойка прилавка из того же непонятного бугристого материала, что стены и потолок. За ней – метра два пространства, далее плотный занавес.

Прохладно.

– Эй! – позвал я. – Есть кто?

Все-таки я не был уверен, что Продавец мертв.

Тишина.

Наська попыталась высунуться вперед, я придержал ее за плечо.

– Можно войти? – снова позвал я.

Нет ответа.

– Пахнет, – сказала Наська.

– Чем? – Я насторожился. У куколок чувства развиты куда сильнее, чем у людей. – Кровь?

– Нет... химия какая-то. И озон.

Я принял. Да, пожалуй, слегка пахло грозой. Химических запахов я не ощущал.

– Хорошо, – решил я. – Стой пока тут.

И двинулся вперед.

Продавца я увидел, когда подошел к прилавку. Он лежал сразу за стойкой, вытянувшись в полный рост всей массивной тушей, замотанной в серые и песчано-коричневые тряпки. Из-под одежды, будто ноги, торчали толстые металлические штыри, с растопыренными, будто птичьи лапы, опорами. Под телом расплылась большая липкая лужа густо-синей жидкости.

– Что за... – сказал я и, опершись на стойку, перепрыгнул к Продавцу. Наклонился, посмотрел в проглядывающее сквозь ткань лицо. Глаза были закрыты, лицо казалось мертвым.

В общем, мертвым оно и было.

За спиной легонько стукнуло – я обернулся, обнаружил, что Наська стоит на прилавке. Похоже, запрыгнула прямо с пола.

– Мертвый, – сказала Наська. – Это он пахнет.

Да, теперь я чувствовал идущий от Продавца запах. Он не был неприятным, он вообще казался неживым, это был запах сгоревшей электроники и разлившейся химии.

– Вашу ж мать... – сказал я, глядя на торчащие из-под одеяний металлические «ноги». – Вы что, роботы?

– Это механическая жизнь! – прошептала Наська с явным восхищением. – Перед нами сломанный автопродавец!

Я осторожно приподнял подол одежды. Металлические ноги ожидаемо имели что-то вроде сустава в районе колена, а заканчивались в рифленном и явно металлическом цилиндре. Уже догадываясь, что увижу, я засучил Продавцу рукав. Кисть, на вид совершенно человеческая, в районе запястья была насажена на металлический стержень.

В общем, если бы ребенка попросили изобразить робота – он бы примерно так и нарисовал. Не хватало разве что носа-лампочки.

Наська прыгнула ко мне, тоже наклонилась над телом (если, конечно, сломанную машину можно так называть). Протянула палец, потрогала разлитую синюю жидкость, прежде чем я успел ее остановить. Понюхала. Брезгливо поморщилась и вытерла об одежду Продавца. Сообщила:

– Это оно воняет.

Я тем временем обнаружил, что ткань на груди Продавца разрезана или прорвана. Развел края – и обнаружил тот же самый рифленный металл, только с узкой пробоиной, сантиметров десять-двенадцать длиной. Края пробоины торчали зазубринами, на них застыла синяя вязкая масса.

– Зарубили топором, – сказала Наська.

– Интересная версия, дорогой Холмс, – сказал я. – Но почему топором?

– Элементарно, Ватсон! – Наська взглядом указала в сторону. Я глянул. У края занавеса лежал топор. Деревянная ручка, клиновидное лезвие – самый обычный плотницкий топор. Даже не какое-нибудь экзотическое боевое оружие.

Как-то очень просто для всемогущих и самоуверенных Продавцов, нет?

Тюк топориком в грудь – робот-пришелец отбросил коньки и протянул грабли.

– Топор, – сказал я. – Мы же вроде не в Питере... Так, Наська. Говоришь, у вас дисциплина?

Наська быстро спрятала палец, которым собиралась потрогать пробоину, за спину.

– Ничего не трогать, – сказал я. – Иначе поедешь в Гнездо, я тебе гарантирую.

Кажется, она поняла, что я не шучу.

– У меня карточки на метро нет.

– Сюда же как-то просочилась? Пешком пойдешь в крайнем случае.

Наська огорченно кивнула. Что-то развернула в ладонке и забросила в рот.

– Ты что ешь? – воскликнул я.

– Конфетку!

– Где взяла?

Наська ткнула пальцем под стойку. Там была длинная полка, на ней одиноко стояла стеклянная вазочка с разноцветными леденцами в прозрачных фантиках.

– Тут! У всех Продавцов есть конфетки, они дают детям!

Я вспомнил, что при мне Продавцы и впрямь иногда угощали детей, притаивших лут или пришедших с родителями, леденцами. Криминала тут не было, они явно копировали земные обычаи.

– Все равно, нечего грязными руками... ты эту жижу трогала! – строго сказал я.

В дверь тихонько постучали, и нотацию пришлось прервать.

– Сиди и жди! – велел я. Перебрался через стойку, подошел к двери. Открыл.

И обнаружил мрачного Лихачева.

Полковник был в штатском, но пиджак оттопыривала кобура.

– Заходите, – сказал я.

– У меня кристаллов с собой нет, – заметил Лихачев.

– Ничего, тут и Продавца уже нет.

– Нет? – оживился полковник и быстро вошел. – А где он? И как ты узнал?

Похоже, Лихачев решил, что я обнаружил брошенный на произвол судьбы Комок. Удача, конечно, для начальника отдела «Экс». Продавцы были не меньшей загадкой, чем Инсеки или Измененные.

– Он тут, но его уже нет.

– Ясно, – Лихачев кивнул.

Быстрым шагом подошел к прилавку, глянул. Поморщился, увидев Наську, – та помахала ему рукой, опасливо улыбаясь. Похоже, к полицейскому она относилась с большим пиететом, чем ко мне. Потом Лихачев увидел металлические части и прямо-таки завопил:

– Робот! Гребаный робот!

– Сам в шоке, – согласился я.

Лихачев резко обернулся ко мне. Спросил:

– Кто-то еще знает?

– Дарина.

– Ну это понятно... Максим, что стряслось?

Я только приготовился рассказывать, как заговорила Наська:

– Мы на минуточку зашли! Это я виновата, я попросила Максима шоколадку мне купить! А Продавец себе вставлял батарейки, мы увидели, что он робот! И Продавец сказал, что теперь нас убьет! И пошел на меня, а Максим достал топор и...

Лихачев мгновенно успокоился, поднял руку, останавливая Наську:

– Ясно. То есть вы пришли, когда он был уже мертвый.

Наська, чей полет фантазии так грубо прервали, обиженно замолчала.

– Мне сказал Продавец из нашего Комка, который возле Гнезда, – пояснил я. – Что убили Продавца. И я должен расследовать.

– Должен? – удивился Лихачев.

– Он сделал предложение, от которого я не смог отказаться.

– Ясно, – Лихачев достал платок и вытер лицо. Шрам на щеке у него побагровел, видимо, от нервов. – Ладно, всё не так плохо, как я подумал. Ты имел право меня позвать?

– Да. Больше часа спорил, но договорился. Все, кто участвовал в истории с Препными, могут мне помогать.

– Спасибо, – поблагодарил Лихачев. Настроение у него явно стремительно улучшалось. – Максим, я тебе говорил, что ты славный человек?

– Ага.

– Ну и повторить нелишне, – Лихачев крикнул, перебираясь через прилавок. Сказал Наське: – Брысь!

Куколка послушно отошла на пару шагов.

– Зачем девчонку привел?

– Гнездо настояло...

– Тоже ясно. Кого еще позвал?

– Никого.

– Телефонная будка метрах в ста от метро...

– Знаю.

Лихачев полез в карман, достал записную книжку. Полистал. Потом показал мне через прилавок.

– Вот телефон Елены. Тебе важен ее рабочий номер. Сегодня операций у нее нет, но она должна быть в отделении. Скажешь, что бумага от полиции придет, что она привлечена как эксперт. Запомнил?

Я кивнул.

Откуда он знает, что у меня хорошая память на числа?

Наверное, оттуда же, откуда рабочий график Елены Филипенко.

– Телефон Миланы знаешь?

– Зачем? – заупрямился я.

– Потому что перед нами инопланетная форма жизни. И нам нужен биолог.

– Она студентка. А это – робот!

– Надо удостовериться. Студентка тоже... лучше, чем ничего.

Он снова порылся в книжечке.

– Вот телефон деканата. Твоя... знакомая... должна быть на лекциях. В общем, пригласишь декана. Скажешь ему, что в сейфе лежит конверт от МВД. Пусть вскроет. Внутри будет еще один конверт, на нем написаны числа: тридцать два – восемь – пятьдесят четыре. После этого пусть вскроет второй и прочтет, что там сказано.

– И что?

– Там сказано, чтобы он выполнял распоряжения, отданные сотрудником по телефону. Пусть сажает Милану в машину и отправляет сюда!

– Давайте я просто скажу, что у нее заболела бабушка, – сказал я.

Лихачев подумал секунду.

– Можно и так. Но с конвертом быстрее. И... – он усмехнулся, – мне ни разу не доводилось использовать эти предписания. Хочу попробовать, как работает. Всё, иди!

– Наську забрать? – предложил я.

– Зачем? – удивился Лихачев. – Мне нужен ассистент. Нервы у нее крепкие, как я погляжу. У тебя крепкие нервы?

– Как стальные тросы! – ответила Наська. И показала мне язык.

Я вздохнул и пошел к телефону.

Робот. Ну надо же, робот!

Теперь понятно, почему в Комке нет сортира...

Вернулся я минут через двадцать. Елену я вызвонил быстро, и она сразу, ничего не спрашивая, ответила, что приедет. Декан биофака тоже не спорил после того, как вскрыл конверт, но его минут десять не хотели подзывать к телефону, даже один раз сбросили вызов. То ли он чем-то был занят, то ли секретарше мой голос показался недостаточно солидным. Поэтому, завершая разговор, я не удержался и велел декану навести порядок среди персонала.

К этому моменту Лихачев с помощью Наськи уже раздел Продавца. Думаю, что Наська выступала в качестве основной рабочей силы, пришелец явно весил килограммов сто пятьдесят, а может, и двести. Сейчас полковник и куколка сидели возле неподвижного тела, изучая результат своих трудов.

Без своих одежд Продавец выглядел нелепо и устрашающе одновременно. Тело его представляло собой металлический цилиндр с закругленными торцами, что-то вроде здоровенной капсулы. Сплав не походил на тот серо-голубой, что используют Инсеки, он был очень темный, почти черный. Никаких отверстий, кроме пробоины в груди, никаких датчиков-штекеров-индикаторов, лишь небольшие выступы и углубления, спиральным узором покрывающие весь цилиндр. Никаких признаков пола, разумеется. Снизу к капсуле крепились «ноги», в боках «руки», сверху «шея» с головой. Ладони и голова выглядели очень правдоподобно, казалось, что это обычные человеческие части тела. Но они не выглядели мертвыми, и это как раз заставляло думать об имитации. Темные волосы на голове, уши как уши, хотя обычно их не видно, в общем – тщательная работа. Я осторожно потрогал Продавцу щеку – она была теплой. Наклонился – и ощутил слабый цветочный запах. Так пахнут человеческие покойники, но я помнил, что и от живых пришельцев исходил этот запах.

– Удивительно, что Продавцы позволили узнать их сущность, – сказал Лихачев. Неодобрительно глянул на меня, порылся в кармане, протянул тонкие синие перчатки. На нем и на Наське такие уже были. – Не надо человеческой ДНК.

– Нам нельзя его выносить, – предупредил я.

Лихачев вздохнул. Негромко сказал:

– Ну... разве что чуть-чуть, а? Волосок?

– Это робот, – напомнил я.

– Но голова и руки у него похожи на органические. Даже такая мелочь... – Лихачев встал, оглядел Продавца с высоты своего роста. – Ну-ка, ассистент! Скажи, что тебя настораживает?

– Всё! – бодро выпалила куколка.

– А конкретнее?

– Что Продавцы нас сюда направили. Что кто-то смог Продавца убить, неужели у них защиты нет? Топор очень настораживает.

Топор лежал на прежнем месте, но похоже было, что его осматривали.

– Так... – подбодрил Лихачев.

– Синюха по лезвию размазана неровно, – сказала Наська. – Словно потом уже прикладывали к дырке. И дырка... – Она ткнула пальцем. – Она же изнутри! Металл выгнут наружу, а если топором бить, то должен был внутрь прогнуться!

– Вот, – сказал Лихачев довольным тоном. – Молодчина. Если вырастешь и захочешь из Гнезда уйти, то возьми на работу!

Довольная улыбка Наськи сразу увяла.

– Из Гнезда не уходят, – сказала она.

Я укоризненно глянул на Лихачева:

– У полковника явно нехватка сотрудников. Он и меня вербовал... А вы за штору заглянули?

– Нет, тебя ждали, – ответил Лихачев.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять: это не сарказм, они действительно ждали.

– Ну, так давайте посмотрим? – сказал я. – Всегда хотел заглянуть.

Лихачев, отвернувшись от Продавца, кивнул. Подошел к шторе, пошарил рукой, отводя в сторону. Занавес состоял из полос ткани шириной метра в полтора. Продавцы обычно проскальзывали сквозь штору очень быстро, за ней было темно и разглядеть ничего не удавалось.

Теперь стало понятно, почему. За первой шторой на расстоянии метра оказалась вторая.

– Простенько и со вкусом, – решил Лихачев, отдергивая вторую штору. Там уже было светло. Он прошел внутрь, резко остановился. Потом сказал: – Максим, иди ко мне. Анастасия, остаешься на месте!

Видимо, такое официальное обращение возымело действие, куколка даже не пикнула.

Я прошел за Лихачевым.

Эта часть Комка была просторнее. У стены стоял здоровенный, два на два метра, стеклянный куб. Передняя сторона была приоткрыта, словно дверь, хотя никаких петель я не видел, просто стекло изгибалось, как лист бумаги.

Еще там имелась койка: металлическое основание, голый белый матрас из гладкого поблескивающего пластика. Койка была узенькая, Продавец мог на ней поместиться, но вряд ли это было ему удобно. Хотя зачем вообще роботу место для сна?

Но главный сюрприз ждал нас на полу.

Там лежала женщина.

Молодая, может, немного старше меня, красивая, с длинными светлыми волосами. Крепкого сложения, не заморенная модель, но и не перекачанная спортсменка или бодибилдер. Есть

такой тип внешности, про него еще говорят «настоящая русская красавица», а иногда со вздохом добавляют: «Исчезающий вид».

И судя по этой женщине – и впрямь исчезающий.

Она была мертва. Никакой крови, никаких повреждений, но одного взгляда на бледную кожу и слепо открытые глаза хватало, чтобы это понять. Одета она была в цветастый голубой сарафан и белые босоножки, чуть в стороне лежала крошечная сумочка в тон сарафану.

– Только этого не хватало... – горестно сказал Лихачев.

Присел возле тела, потрогал шею, оттянул веко, потом чуть приподнял женщине руку и зачем-то осмотрел с той стороны, которая была обращена к полу. Прижал к руке палец, надавил, отдернул. Медленно встал, глянул на меня:

– Умерла вчера вечером.

– Продавец тоже, – сказал я. – С девяти до одиннадцати, как мне сказали. Ее убили?

– Да уж вряд ли она умерла с горя по Продавцу... – Лихачев тихонько застонал, выругался: – Мать твою... я попал, Максим. Это не Продавец, это человек. Я должен сообщить про убийство. Его будут расследовать. А никого сюда впускать нельзя, так? И выносить ничего и никого нельзя?

– Я могу спросить!

– Даже если ее позволят вынести – требуется осмотреть место, под подозрением мертвый Продавец...

– Полковник, – сказал я. – Вы что, серьезно?

Лихачев глянул на меня искоса.

– Вот вы такой весь законопослушный, да? – поинтересовался я. – Инсеки на нашей планете растят свое пушечное мясо, а раньше это делали Прежние, а недавно они чуть Землю не угробили из-за девочки-стратега!

– То есть ты предлагаешь мне нарушить закон? – спросил Лихачев.

– Да, – мрачно сказал я.

Полковник кивнул и никак не прокомментировал мои слова. Сказал:

– Женщина была крепкая, но вряд ли она могла убить Продавца. А ты сталкивался с ситуацией, когда кого-то впускали за занавес?

Я покачал головой.

– Имеем два тела, фальшивое орудие преступления и никаких зацепок, – вздохнул Лихачев. – Еще имеем стеклянную хрень. Как думаешь, они отсюда берут товары?

Я кивнул. Мне довелось видеть, как Продавец отказался продать какую-то особенно крутую удочку, сказал, что она слишком длинная и неразборная, возникнут «транспортные проблемы». Видимо, размеры камеры ограничивали доставку или синтез товаров.

– Эх... – Лихачев нагнулся, поднял сумочку, открыл. Стал осторожно перебирать содержимое: мелькнул флакончик духов, тюбик помады, таблетки. Потом он с торжествующим «ага!» достал какое-то удостоверение, раскрыл.

И замер.

– Кто она? – спросил я.

– Некая Татьяна Воробьева, – ответил Лихачев.

– И что?

Но оказалось, что полковника Лихачева поразило не имя женщины. Он закрыл удостоверение и спросил:

– Знаешь, где она работает?

Я пожал плечами.

– В Администрации. Под руководством того, кто нам известен под именем «Иван», – пояснил Лихачев с отвращением. И посмотрел на мертвую женщину с явной неприязнью.

– Тогда, выходит, мы нашли убийцу... – прошептал я.

«Иван» был каким-то чином из правительства.

А еще – Прежним. Одним из тех, кто тысячелетиями тайно властвовал над людьми.

Но самое мерзкое, что при этом он и сам был человеком.

Глава четвертая

Милана и Елена приехали почти одновременно. Елена на машине – я удивился, но она, оказывается, имела личный автомобиль. Наверное, и впрямь была хорошим врачом, если могла себе это позволить: бензин очень дорог, да и электричество недешевое. Милану привезла университетская машина с изнывающим от любопытства водителем. Нечасто декан велит немедленно подбросить студентку до Комка.

С Еленой мы поздоровались за руку, при всей разнице в возрасте мы уже через многое вместе прошли.

А с Миланой, после секундного взаимного колебания, обнялись и даже поцеловались.

В щеки. Так, по-братски-сестрински. Что было, то было, мы этого не забывали, но и не вспоминали вслух. Милана выглядела сегодня замечательно, к тому же была не в джинсах, а в юбке. Честно говоря, мне куда больше нравится, когда девушки одеваются соответственно своему полу, а не влезают в штаны.

Но меня это уже не касается.

Не должно касаться.

Дальше было объяснение ситуации, строгий взгляд Елены на Наську, которая постаралась сделать вид, что ее тут вообще нет, и краткая речь Лихачева.

– Милые дамы, – сказал он, глядя на Елену. – Я понимаю, что это не совсем ваша сфера деятельности. Но никого более подходящего я сюда привести не могу. Тут лежат мертвый пришелец и мертвая женщина. Надо постараться понять, как они погибли. И по возможности собрать информацию о Продавце. Это первый в истории случай, когда мы можем анатомировать инопланетное существо.

– Мне кажется, слово «разобрать» подойдет лучше, – заметила Елена. – Хороший слесарь был бы полезнее.

– Не спорю, но слесаря нет, – Лихачев развел руками. – Мы с Максом постараемся помочь. Что вам нужно?

Женщины принялись совещаться.

Через пять минут мы с Лихачевым пошли к таксофону. Он отзвонился в свой отдел и продиктовал список реактивов и медицинских инструментов, которые надо привезти «хоть купив, хоть отобрав у судмедэксперта». Потом мы обошли ближайшие магазины, покупая всё остальное: в списке была и толстая полиэтиленовая пленка в рулоне, и черные пластиковые мешки, и аккумуляторная пила-болгарка, и прочие инструменты. Завершали перечень пять легких садовых стульев, чайник, вода, заварка и туристическая газовая плитка – Лихачев настраивался на долгую работу. Еще мы купили сэндвичи и печенье, причем полковник сказал, чтобы я не брал бутерброды с мясом. Причину я понял, и мне стало неприятно.

Самым нелепым было то, что всё это мы могли бы получить в Комке, причем куда лучшего качества – если бы умели пользоваться кубом-синтезатором.

Нагруженные (больше всего мешали стулья, легкие, но громоздкие), мы вернулись в Комок. Женщины сидели все вместе, включая и Наську. Судя по недовольному, но все же торжествующему лицу куколки, ее пытались прогнать, но не сумели.

– Хирургических инструментов пока нет, – сказал Лихачев. – Давайте займемся Продавцом.

Мы расстелили полиэтилен на прилавке и затащили на него нелепое металлическое тело. Елена надела темный рабочий халат, перчатки и защитные очки. Лихачев снарядился так же. Как-то не сговариваясь, они взяли основную работу на себя.

Я не был против.

– Итак... – сказал Лихачев. Достал из кармана старый смартфон. Я удивился, но оказалось, что Лихачев использует его как фотоаппарат и диктофон. – Имеем металлический цилиндр с частично вытекшей густой жидкостью синего цвета. Из контейнера торчат пять металлических штырей, два оканчиваются имитацией человеческих кистей, один – имитацией головы, еще два имеют по четыре выступа и служат для передвижения... Служили. Имитации человеческих тканей очень правдоподобны.

Он сделал несколько снимков, вздохнул. Видимо, представлял себе, как Продавца разбирают на части специалисты.

– Исследование начнем с имитации биологических тканей, – продолжил он. – Работу выполняет заслуженный врач Елена Филипенко.

– Тогда уж добавьте «доктор наук», «врач высшей категории» и прочую лабуду, – сварливо сказала Елена.

За неимением скальпеля она взяла канцелярский нож, неодобрительно на него глянула. Спросила:

– Может,ждемся скальпеля?

– Это робот, – сказал Лихачев. – Не сможете этим работать? Есть кухонный нож.

– Да я отверткой вам аппендикс вырежу, – сказала Елена. – Если понадобится. Как-то неловко...

Вздохнув, она провела лезвием по кисти.

Кожа разошлась. Выступила кровь. Красная. Милана за спиной тихонько ойкнула.

– Черт, – сказала Елена, отпрянув. – Копать-колотить...

– Очень тщательная имитация, – сказал Лихачев, делая очередной снимок. – После разреза кожного покрова выступила жидкость, имитирующая кровь...

– Я бы сказала, что это и есть кровь, – мрачно произнесла Елена. – Но у мертвеца она бы уже свернулась.

Она еще раз провела ножом, углубляя разрез.

Убрала нож, сказала:

– Полковник. Я бы сказала, что прорезала кожу тенара и рассекла короткую отводящую мышцу большого пальца – мускулос абдуктор поллицис бревис. И это обычные человеческие мышцы, а никакая не имитация, к хренам собачьим!

Она склонилась над разрезом, осторожно развела его пальцами, чего-то коснулась кончиком ножа. Выпрямилась.

– Я бы даже сказала, полковник, что это живая человеческая кисть.

– Насаженная на штырь?

– Да, насаженная на штырь! – резко ответила Елена. – Я коснулась нерва, и мышца чуть сократилась.словно в глубоком наркозе.

– Но этого не может быть.

– Не может, – согласилась Елена.

– А если это выращенная искусственно кисть руки? – предположила Милана.

– Кровоснабжение, иннервация? – вопросом ответила Елена.

– Через штырь. Какие-нибудь капилляры... провода...

Елена посмотрела на Лихачева.

– Может быть, вы займетесь металлической частью?

Лихачев протянул ей смартфон, молча взял напильник из принесенных нами инструментов. С усилием провел по цилиндрическому боку. Изучил это место. Сказал:

– Следов воздействия напильника не наблюдаю. Металл твердый, идентифицировать не могу. Судя по весу, это не сталь.

– У меня есть магнитик! – неожиданно сказала Милана. Достала из сумочки маленький фонарик. – Вот тут, на торце, он примагничивается...

– Молодчина, – похвалил Лихачев. Приложил фонарик к корпусу Продавца. Сказал: – Металл немагнитный. А ну-ка...

Включив фонарик, он посветил в узкую дыру. Долго всматривался. Потом сказал:

– Тут, конечно, с обзором плохо... но, по-моему, он весь заполнен этой жижей.

– Мне дайте, – попросила Елена азартно. – Вы и не представляете, через какие щели я внутрь человека заглядываю... потом напомните, расскажу анекдот... про поклейку обоев...

Она долго светила в щель, шурясь и поворачивая фонарик. Сказала:

– Согласна. На первый взгляд всё заполнено вязкой синей массой, аналогичной выплеснувшейся, но более густой. Я бы сказала, что мы имеем дело с большой банкой синей жижи, к которой на штырях приделаны человеческие руки и голова.

– Как бы человеческие, – упрямо поправил Лихачев.

– Ну можно и так сказать, – Елена вздохнула. – Будете вскрывать?

– Попробую... – сказал Лихачев.

Он попробовал. Маленькая «болгарка» визжала, пытаясь вскрыть корпус, но через несколько минут полковник признал поражение.

Вырезать в теле Продавца отверстие не получалось. И судя по тому, что пила не оставляла никаких следов, топором пробить тоже бы не вышло.

– Посмотрите место соединения штыря и кисти, – попросил Лихачев.

Елена снова стала резать. Я отошел, смотреть не хотелось. Но уже через минуту вскрытие закончилось: кисть оказалась прикрепленной к штырю через комок густой синей массы, в которую были погружены нервы и сосуды. Походило на то, будто отрезанную кисть просто надели на штырь, из которого торчал пузырь липкой синюхи. Странное вещество приросло к плоти, заполнило обрезки вен и артерий, каким-то образом насыщало кровь кислородом и питательными веществами и сохраняло ткани живыми. Края кисти при этом накрепко приросли к штырю.

– В какой-то мере эти кисти до сих пор живы, – сказала Елена. – Хотя основная часть Продавца разрушена, но синяя жидкость продолжает питать биологические части.

– То есть это киборг, – задумчиво сказал Лихачев. – А как он мыслит? Где мозг?

– Я не стану вскрывать голову! – резко ответила Елена. – Если это человеческая голова, то мозг может быть жив.

– Но Продавцы – не люди!

– А откуда мы знаем, где здесь что? – резонно возразила Елена. – Это киборг! Он может думать этой жижей, корпусом... может быть, там, в глубине, плавают какие-нибудь мыслящие схемы!

– Волновые структуры, – предположил я. – Как Гнездо... и как Высший.

Елена кивнула и добавила:

– А руки и голова – выращены искусственно или взяты у людей. Для маскировки.

– Но Продавец умер! – напомнил я.

– Умер его мозг, чем бы он ни был! А тут, в этой голове, может быть человеческий мозг. Живой.

– Жуть! – с восторгом сказала Наська. И быстренько ретировалась в сторону, убегая от взгляда Елены.

Лихачев посмотрел на меня с сочувствием:

– Максим, боюсь, ничего полезного ты от нас не получил.

Да, похоже было, что так.

Лихачев хотя бы выяснил, как именно выглядит Продавец. Казалось бы, какая нам разница, гуманоиды они, ящерицы, насекомые или киборги? Но за такую информацию он наверняка получит премии, благодарности, какие-нибудь медальки-ордена. Потом, возможно, за эту

информацию и за кадры неудачного вскрытия Продавца наше государство будет выторговывать важную информацию у других стран.

А мне-то что?

«Ваш коллега – робот?»

Так и Продавец, поивший меня чаем, тоже робот.

«У него дыра в груди».

Очень ценная информация...

– Елена, осмотрим тело женщины?

Хирург вздохнула:

– Да, конечно. Вскрывать?

Лихачев заколебался. Видимо, представил, как всё это будет. Он, конечно, всякого навиделся, но...

– Аккуратно, – решил он наконец. – Почему женщина могла умереть без всяких внешних повреждений?

– Яд, инфаркт, инсульт...

– Сможете аккуратно посмотреть?

– Совсем аккуратно это не получится, – сказала Елена. – Но... нервы у вас крепкие?

Лихачев пожал плечами.

– Давайте попробуем. Толькождемся нормальных инструментов.

В ожидании мы спустили тело Продавца на пол, поставили плитку и вскипятили на ней чайник. Мы сидели в Комке, который сам по себе был чудом, продуктом инопланетных технологий, но хозяева не предусмотрели ни туалета, ни умывальника, ни электричества в доступной нам форме.

Вскоре полицейская машина привезла Лихачеву две сумки, полные оборудования эксперта. Хозяин сумок тоже приехал и явно изнывал от желания лично поучаствовать в исследовании, но был отправлен обратно. Пока мы допивали чай, Елена повозилась над телом Продавца с реактивами и сообщила, что биологические части действительно живы.

Час от часу не легче. Я представил, что голова открывает глаза и начинает что-то говорить.

А как она заговорит-то? Легких нет! Или по заменяющему шею штырю и воздух подается?

Елена и Милана ушли за занавес, к ним присоединился Лихачев. Меня никто не позвал, и я был этому рад. Хотела ли понаблюдать за вскрытием Наська – не знаю. Во всяком случае, она предпочла усесться на стул и задумчиво смотреть на лежащего Продавца.

– Ты про таких что-нибудь слышала? – спросил я, беря стул и усаживаясь рядом.

– О Продавцах нам ничего не говорили.

– А о киборгах вообще? Там, в космосе, есть боевые киборги?

Наська помолчала. Потом неохотно сказала:

– Я не стража. Говорили, что это тупиковая ветвь.

– То есть?

– Биологический организм можно изменять бесконечно... – Наська ковыряла ногой пол. – В любую сторону. Добиваться нужных качеств. Живая клетка очень пластична. А механические устройства ограничены, даже если они сами себя чинят.

Я подумал. Сказал:

– Все-таки не согласен. Оружие из живого не сделаешь.

– Да? – удивилась Наська. – Правда, что ли?

Я вспомнил бойца с его роговыми конусами-излучателями.

– А если нужен рентген, какие-то исследования?

– Мы не болеем. Ну и есть же докторки! – сообщила Наська. – У нас не было, а в большом Гнезде есть. И там... где требуется.

– Ладно, допустим, – не сдавался я. – Ну а если нужен экскаватор? Или бульдозер?

Наська искоса глянула на меня.

– Что, тоже? – поразился я.

– Строитель... Мне говорили, что из меня выйдет хороший бульдозер. Если не хочу в стражи.

Она выждала несколько секунд, глядя на мое ошарашенное лицо, потом снисходительно улыбнулась:

– Шучу!

– Ну тебя... – пробормотал я.

– Строители из мальчишек хорошо получают, – добавила Наська.

– Ты сейчас не врешь? Не фантазируешь?

– Нет. На Земле много разных Измененных не нужно. А вот там, – она указала глазами вверх, – всякие бывают. Жница для работы, стражи для войны, монахи для науки. Но дальше еще много разного.

Как по мне – это и был ужас, а не металлический цилиндр с торчащими из него на штырях руками и головой. Но Наська, снова уставившись на Продавца, сказала:

– Вот такие штуки – это кошмар и примитив. Смотреть противно.

– Почему вы ничего не рассказываете людям?

– А зачем вас пугать? – спросила Наська хмуро. – Вам лучше не знать.

– Мне-то ты рассказываешь.

– Ты почти свой.

Она вздохнула и на миг прижалась головой к моему плечу. Добавила:

– И Дарина тебя любит. Тебе можно рассказывать. А ты расскажешь кому-то?

– Нет, – признался я. – Зачем... пугать.

– Вот!

Штора качнулась, вышла Милана. Была она бледная и как-то очень натянуто улыбалась, неловко стягивая перчатки. Пальцы у нее скользили, перчатки были в чем-то липком. Мы, не сговариваясь, кинулись к ней, Наська перемахнула через прилавок в прыжке, я перебрался следом.

– Ты как? – спросил я.

– В обморок не упаду, – ответила Милана. Помедлила. – Наверное. Правильно я на врача не пошла учиться...

Она скинула перчатки в пакет, который мы отвели для мусора. Туда же отправила и халат. Я полил ей воды на руки, подождал, пока она яростно их оттирала над тазиком.

– Это... ну, неприятно... – пояснила она. – Одно дело, когда смотришь в микроскоп. Другое... ну... Елена сказала, что они справятся сами. Лихачев – кремь. Еще и подсказывает... Максим, у тебя нет сигарет?

Я покачал головой.

– Не подумай, я не курю... – виновато сказала Милана. – Ну, постоянно чтобы – не курю. Сейчас только вот.

– В моем пиджаке посмотри, – крикнул из-за занавеса Лихачев. – В правом кармане. Только учти, у меня настоящие, не электронные. И крепкие.

Милана смущенно глянула на меня, я махнул рукой и сам достал ей сигареты полковника. Как-то не время сейчас было лекции ей читать.

Она порывалась выйти, но я велел ей сесть на стул у двери и курить там. Однажды при мне в Комок вошел серчер с сигаретой, Продавец даже слова ему не сказал. И дым вытягивало мгновенно, здесь сильная вентиляция.

Я подождал, пока Милана справилась с зажигалкой и закурила. Делала она это по-прежнему неумело.

– Вы что-то... посмотрели? – спросил я, стоя рядом.

– Нет еще. Сейчас Елена смотрит... сердце... – Милана глубоко затаилась. – Давай не об этом, а? Как у тебя дела?

– Нормально. А что не звонила?

– Учеба, – неубедительно объяснила Милана. – Дел по горло, да... – И тут же, испортив даже эту отмазку, спросила: – Как у вас с Дариной, всё в порядке?

– Хорошо, – ответил я.

Повисло неловкое молчание.

– Вы на меня не обращайте внимания, – сладким голосом произнесла Наська. – Я все понимаю, это взрослые отношения.

Милана вымученно рассмеялась.

– А ты как, непоседа?

– Расту, – подумав, сообщила Наська. – Думаю о жизни. Решила начать писать стихи.

– Умница, – одобрила Милана.

И тут из-за занавеса вышел Лихачев.

Сказать, что у него был озадаченный вид, – мало. Он был растерян и, кажется, даже слегка испуган.

– Что такое? – дернулся я.

– Максим, такое дело... – Лихачев скривился. – Эта... Татьяна... не человек.

Он, крикнув, перебрался через стойку. Подошел, забрал у Миланы свои сигареты, тоже закурил.

– На вид обычная женщина, – сказала Милана осторожно. – Даже красивая женщина.

– Ну да... И документы у нее нормальные, и в сумочке ничего подозрительного. Елена говорит, что сердце нечеловеческое. Там две дополнительные камеры.

– Шестикамерное? – удивилась Милана.

– Три предсердия, три желудочка. Дополнительная вена и артерия, кажется, идут прямо к мозгу. Мы еще глянули быстро мышцы – Елена говорит, что такого вообще в природе не бывает. Какой-то особый тип мышечной ткани, надо посмотреть под микроскопом, но... В общем... там у нее словно всё улучшено. Понимаете?

– Она Прежняя, – сказал я, холодея.

– Да, – кивнул Лихачев. – Я это допускал. Но не думал, что они так отличаются внутри.

– Я готова помогать, – решила Милана, покрутила головой, ища, куда бросить окурок. – Если так, то я готова. Я как-то сразу перестала ее жалеть!

– Подожди, надо понять, что делать, – сказал Лихачев. – Убитый Продавец – уже плохо. Но его соплеменники хотя бы разрешили вести следствие и проводить вскрытие! А тут – убитый Прежний. Я не знаю, что делать.

– Официально их как бы нет, – заметил я.

– Но мы как минимум одного знаем, – Лихачев вздохнул. – И пусть даже Прежним теперь запрещено убивать людей, он и в своей человеческой должности может нам жизнь превратить в ад!

– Вас с работы вытурят, – кивнул я.

– Меня с работы, Милану из института, при желании найдут и тебя за что посадить, и как близких зацепить... – Лихачев покачал головой. – Ребятки, я не хочу вас подставлять. Эта женщина – не преступник, а тоже жертва. Я велел Елене привести ее в порядок, насколько возможно. И надо... – он помедлил, – звонить Ивану. Ты помнишь его прямой номер?

Я кивнул.

– Так будет быстрее, – решил Лихачев. – Мне-то придется продираться через секретарей. Позвони. Расскажи без деталей, что случилось. Пусть забирают тело.

Я подумал, не связаться ли вначале с Продавцом.

Потом подумал, что неприятностей, связанных с Иваном, будет куда больше.

– Хорошо, – сказал я. – Позвоню.

– Давай, Максим, – подбодрил Лихачев. – Влезли же мы в дерьмо по уши... Извини, Милана, что тебя вытащили.

Милана пожала плечами и ответила:

– Ничего. Если честно, мне эти недели было как-то одиноко и пусто. Наверное, подседа на адреналин.

Я глянул на Наську, взглядом велел ей оставаться (впрочем, она-то была явно в восторге от происходящего) и пошел к двери.

Открыл и замер.

Перед дверью стоял худощавый мужчина лет сорока, в дорогом костюме, в дорогих очках, интеллигентного и одновременно начальственного (а это редко бывает) вида.

Похоже, он давно уже тут стоял, терпеливо ожидая, пока кто-нибудь выйдет.

– Здравствуйте, – сказал я. – Как раз собирался вам звонить.

Иван уставился на меня, на мгновение на его лице промелькнула несвойственная Пржнему растерянность. Потом он кивнул, вновь обретая иронично-пренебрежительный вид.

– Проходите, – помедлив, продолжил я.

В конце концов, ведь Иван был во всё посвящен. Так что разрешение Продавца формально касалось и его.

– К сожалению, войти я не могу, – ответил Иван, оглядывая дверной проем. – Мне, видишь ли, достаточно сделать шаг внутрь, чтобы умереть...

Он с явным интересом заглянул в Комок, сдержанно улыбнулся Лихачеву.

– Здравствуйте, полковник! Привет, девочки! Приятно видеть знакомые лица. Но говорить придется через порог. У вас стульчика не найдется?

Глава пятая

Я принес и передал через порог стул.

Иван покачал головой, забирая его, сказал:

– Ты зря боишься.

Я лишь пожал плечами. «Бояться» – слишком сильное слово. Но я предпочел бы оставаться там, куда Иван войти не может.

Набережная была удивительно пустынной, ни одной машины, ни одного пешехода. Похоже, ее перекрыли? С другой стороны, через Водоотводный канал то и дело мелькали автомобили.

– Я попросил остановить здесь движение, – сказал Прежний, садясь перед дверью. – Чем обязан удовольствию встретить здесь вашу компанию?

Лихачев молчал, я тоже с ответами не лез. Ивана это не смущало.

– Остальные люди тоже здесь? А миленькая жница?

Я подумал, что «миленькая» он добавил специально для меня. Чтобы вывести из равновесия.

Это значило, что мое появление ошеломило и разозлило его.

Не буду я заводиться, не дождется.

– Что вам здесь нужно, Иван Егорович? – спросил Лихачев сдержанно.

Значит, он все-таки Иван? Мне стало неприятно, что у него на самом деле такие обыденные русские имя и отчество. Я не стал расспрашивать Лихачева, но был уверен, что Прежнего на самом деле зовут совсем иначе.

Хотя, если подумать серьезно, – имен у него должно быть много.

– Куда интереснее, что нужно вам, – ответил Иван. – Да, поздравляю с награждением, полковник! Вам хотели дать «За отличие в службе» первой степени, но я настоял на «За заслуги в службе в особых условиях». Интереснее звучит, верно? А «за отличие» первой степени вы еще получите, я прослежу.

Лихачев молчал.

– Ладно, – Иван посерьезнел. – Татьяна здесь?

– Здесь, – сказал Лихачев.

Иван нахмурился. Видимо, почувствовал тон. Еще раз глянул внутрь Комка.

– Она за ширмой?

– Да.

– А где Продавец?

– За прилавком.

– Он что, там лежит? – уточнил Иван. Пожевал губами, потом сказал: – Так. Вы хотите сказать, что Продавец мертв?

– Я не думаю, что мы вправе делиться этой информацией, – быстро сказал я.

– Да? – удивился Иван. – Так... А что с Татьяной?

– Ваша соплеменница тоже мертва, – ответил Лихачев.

– Хм, – Иван подался вперед, глядя в Лихачева. – Так, значит... Ага. На основании чего вы сделали вывод, что Татьяна Юрьевна Воробьева – моя соплеменница?

– На основании вскрытия, – сказал Лихачев.

– Мертва... – задумчиво сказал Иван.

Он замолчал, глядя то на Лихачева, то на меня. Ни Милана, ни Наська, стоявшие дальше, его явно сейчас не интересовали.

– Крайне любопытная ситуация, – сказал он наконец. – В какой-то мере тревожащая... Слушайте, давайте поговорим как разумные люди?

– Люди? – сказал Лихачев с иронией.

Иван глянул на меня. Я никому не передавал его слова про то, что Земля – родная планета Прежних. Сейчас он это понял... и мне показалось, что во взгляде Прежнего мелькнуло одобрение.

– Оставьте, полковник! Если я пересплю с человеческой женщиной – у нас родятся дети. Если выпью водки – то опьянею. Если порежусь – потечет красная кровь. Что из себя представляют Инсеки – вы знаете. Продавец, полагаю, тоже не столь человекообразен, как вы раньше думали?

Мы молчали.

– Поговорим как разумные люди, как гуманоиды, если угодно, – продолжал Иван. – Вам неприятно, что мы жили среди вас, не открываясь? На то были причины.

– Нам неприятно другое, – сказал Лихачев.

– Ну да, да, конечно, – Иван вздохнул. – Исчезающие дети... Ну так Инсеки забирают ваших детей легально, можно сказать. И никто не против. Или платить дань больными и калекми не так обидно? Но при нас человечество росло, умнело, прогрессировало. Интернет, космические полеты, успехи медицины... Мы развивали Землю. Инсеки ее превратили в унылый питомник. Казуистика, случайность, неожиданное вмешательство третьей силы... и вот вы всем человечеством приняли новых хозяев, а нас люто возненавидели! Космодромы зарастают бурьяном, Луну разрушили, климат с ума сошел... вы хотя бы знаете, сколько видов растений и животных вымерло?

– О чем вы хотите говорить? – спросил Лихачев. Иван, похоже, готов был часами доказывать нам, как плохи Инсеки.

– О произошедшем. Я правильно понял, что Продавец данного Комка мертв? И мертва Татьяна?

– Да.

– Это очень странно, – сказал Иван. – Татьяна не должна была сюда входить. Система безопасности Комка уничтожает и нас, и Слуг. Собственно говоря, она должна была бы уничтожить и человека, попытавшегося причинить вред Продавцу.

– Вы уверены? – спросил Лихачев.

– Мы проверяли, – обиженно сказал Иван. – Так вот, у Татьяны не было никаких оснований сюда приходить. Но она сегодня не вышла на работу, что очень нехарактерно для нее. Я решил проверить, где она, и обнаружил, что след обрывается возле этого Комка.

– Какой след? – насторожился Лихачев.

– Это наши методы, вам они не помогут. Мобильные, – Иван усмехнулся, – и у нас не работают. Но способы наблюдения бывают разные. Я приехал сюда и оп – обнаруживаю вас. А почему пришли вы?

– Меня попросил об этом Продавец, – сказал я. Похоже, все-таки придется делиться информацией. – Сегодня ночью сообщил, что Продавец этого Комка убит. Утром я приехал, Продавец действительно мертв. Деталей не скажу. А еще мы нашли мертвую женщину.

– И чего хотел уважаемый Продавец? – спросил Иван.

– Чтобы я... чтобы мы узнали, кто убийца.

– Понятное желание. Ну про Танечку-то нашу мне скажете? – Иван усмехнулся. – Как ее убили? Это не очень легко сделать, знаете ли.

– Мы пока не поняли, – неохотно сказал Лихачев. – Никаких внешних следов нет. Начали вскрытие...

– И поняли, что она не совсем человек, – кивнул Иван. – И схватились за голову – «да мы ведь режем труп Прежнего!» И перепугались, и решили сообщить мне.

Мы молчали.

– У меня нет никаких претензий, – сказал Иван. – Режьте дальше.

– Да? – не выдержала Милана.

– Вы же биолог, детка, – Прежний одобрительно кивнул. – Вам должно быть интересно. Очень удачно Максим подбирает себе девушек.

– Такое бывает только с хорошими людьми, – неожиданно сказала Милана. – На вас бы я и не глянула. Вы вроде обаятельный, но если приглядеться – гнилой человек.

Прежний расхохотался:

– Это уже оценка задним числом! Поверьте, Милана, я мог бы очаровать вас так, что вы бы за мной без трусов по улице бегали!

Он вдруг посерьезнел:

– Я даже сейчас могу это сделать. Несмотря на ваше сильное предубеждение. И мне не придется вмешиваться в вашу психику или осыпать дорогими подарками. Обычное общение, разговоры. У меня большой опыт, поверьте... минусы очень долгой жизни...

Последнюю фразу Прежний сказал как-то по-особенному. Вроде просто слова, но я вдруг представил себе человека, живущего сотни лет. Он одинок, люди проносятся мимо, словно мотыльки перед лампой, вспыхивают и умирают. Умирают враги, умирают друзья. Умирают любимые. Умирают дети и внуки. Он человек, но одновременно нечто куда большее. Одинок, несущий груз невыносимой ответственности, неспособный позволить себе подлинные чувства – они все равно угаснут. Есть такие же, как он, но их очень мало, и они все давно опротивели друг другу. Но где-то в душе у него остается робкая надежда – встретить ту, что его поймет и примет таким, какой он есть...

Я вздрогнул. Нет, Прежний не забрался мне в голову. Не воздействовал на меня какими-то невидимыми волнами и излучениями. Но он сделал так, что я ему посочувствовал. Буквально несколькими словами, сказанными с нужной интонацией!

Милана поежилась и отступила на шаг. Я увидел, что в ее взгляде промелькнул ужас. Наверное, она почувствовала то же самое, только острее... применительно к себе.

– Больше не стану так делать, – сказал Иван нормальным тоном. – Не беспокойтесь. Я предлагаю честное сотрудничество. Временный союз.

– У нас уже есть временный союз... – ответил я.

– Понимаю. С Продавцами. И вы дружите с Гнездом, а это подопечные Инсеков. Всё завязано. Но дело в том, – Иван встал, подошел к самому порогу, не пересекая, однако, невидимой линии, – что сейчас наши интересы не противоречат друг другу.

– Поясните, – сказал Лихачев.

– Полковник, мы же раньше были на «ты»? Поясняю: я не знаю, зачем Татьяна Воробьева пришла к Продавцу. Это запрещено и смертельно опасно. При всей моей нелюбви к Продавцам, открытая война с их культурой нам не нужна. Сегодня враги, завтра друзья – так бывает. Так что работайте на своего нанимателя, выясняйте, кто пришел его соплеменника. Мне очень интересно, особенно – как это было сделано, но я не стану спрашивать. Зато я прошу выяснить, кто и как убил Татьяну Воробьеву.

– А если возникнет конфликт интересов? – спросил Лихачев.

– Допускаете, что они убили друг друга? Сомневаюсь! Но тогда это была инициатива Татьяны, и она уже понесла кару. Вы работаете на Продавца, поработайте и на меня. Поверьте, я найду чем отплатить за службу.

Мы с Лихачевым переглянулись.

– Я окажу вам поддержку, – сказал Иван. – По человеческой линии, в первую очередь. Ваше маленькое частное расследование, полковник, станет официальным, но докладывать вы будете только мне и только то, что касается Татьяны. Зато – вся возможная поддержка, ресурсы, информация. А?

– Что скажешь, Максим? – спросил Лихачев.

– Я должен поговорить со своим нанимателем, – ответил я.

– Это разумно, – кивнул Иван. – Поговорите. Потом сообщите, принял ли он мое предложение. Но еще одна война никому не нужна, поэтому уверен – примет. Да! Передайте ему мои соболезнования.

– Если Продавец согласится... – Я глянул на Лихачева. Тот едва заметно кивнул. – То мы примем ваше предложение.

– Прекрасно, – сказал Иван. – Вы, полагаю, не впустите экспертов?

– Не имею права, – ответил я. – Позвал тех, кого разрешили впустить.

– Тогда не станем посылать ученых мужей на убой, – усмехнулся Иван. – Поставьте пост, полковник, чтобы отгонять серчеров. Я вам пришлю оборудование... что вам потребуется, Милана?

– Микроскоп, – сухо сказала она. – Хороший.

– Вам привезут хороший люминесцентный микроскоп, низковольтный электронный. Протянут кабель питания, тут ведь розеток нет, я полагаю? Если потребуется конфокальный лазерный или высоковольтный электронный – дадут доступ, но образцы вам придется выносить наружу, это штуки нежные и громоздкие. Лабораторные столы, спектрометр... вы список напишите, я плоховато разбираюсь, – он улыбнулся. – Какие-нибудь раскладные кровати? Думаю, лишними не будут. Кресла... вместо этого хлама. Питание? Знаете, вам пробросят еще телефонный провод, спасибо добрым Инсекам, что оставили нам проводные телефоны... еду заказывайте из ресторанов, у вас будет открытый счет... Что еще? Ах, да! Нормальный туалет тут есть?

– Нет, – неохотно сказал Лихачев.

– Привезут, поставят рядом. Район временно оцепим, повод найдем. Ну, подумайте, что еще, я пока распоряжусь. Главное – электричество и туалет, – он улыбнулся. – О! Понял! Вода! Шланг кинут. Если нужен душ, организуем. Знаете, у вояк есть такие машины, там внутри и банька, и постирочная, и душевая. Подумаем! Всё, я побежал... Да, это всё будет у вас вне зависимости от того, примете ли вы предложение о сотрудничестве. Считайте жестом доброй воли.

Я закрыл дверь, когда Иван бодрой походкой пошел прочь от Комка. Посмотрел на Лихачева.

– Да, государственная машина может быть очень эффективной... – кивнул Лихачев и поморщился.

– Я подвоха не вижу, – признался я. – Вроде всё честно.

– На первый взгляд – да, – согласился Лихачев. Поглядел на Елену, та наконец-то вышла из-за занавеса. Похоже было, что она всё слушала, но предпочла не показываться. – Как считаешь?

– Стол для вскрытия нужен, – сказала наш доктор. – Я напишу сейчас список. Да, звучало убедительно.

– Почему же у меня ощущение, что мы в говно залезли? – спросил я.

– О, взрослеешь, – усмехнулся Лихачев. – Ну так я тебя огорчу, мы пока только залезли, а дальше придется нырять.

Я кивнул. Я тоже считал, что бесплатный сыр либо в мышеловке, либо в клюве у самоуверенной вороны.

Наська, притихшая и явно расстроенная, стояла в стороне. А Милана была вообще сама не своя. Я подошел к ней, глянул вопросительно.

– Можно, я к тебе прислонюсь? – спросила она.

– Можно, – пробормотал я.

Милана прислонилась. Буквально. Уперлась лбом в лоб, закрыла глаза и тихонько заныла.

– Ты чего? – растерялся я.

– Мне страшно! – на миг перестав нить, сказала она. – Этот гад на меня посмотрел, что-то сказал, и я вдруг подумала, что он славный! Что его надо пожалеть! Обнять!

– Это он просто так говорит, – мрачно сказала Наська. – Убедительно. На Измененных не действует. И люди некоторые так умеют, он просто очень долго тренировался.

– Наська, можно, Максим меня обнимет? – попросила Милана. – Ну просто так, как друга?

– Мне-то что, – буркнула Наська. – Я Дарине не скажу, если ты об этом, обнимайтесь...

Она вдруг сорвалась с места, в своей реактивной манере перемахнула через прилавок и уткнулась в живот Елене. Та обняла куколку, потом укоризненно посмотрела на меня.

Я вздохнул и обнял Милану.

Очень деликатно.

Даже деликатнее, чем хотелось бы.

– А меня и обнять некому, – сказал Лихачев. Сел на стул, достал сигареты, закурил. – Придется переживать в одиночестве.

– Я сейчас приду и обниму, – пообещала Наська. – Только докурите свою гадость сначала.

Обнимая Милану, я думал, что у нас, в общем-то, славная команда. Хоть и странная, и пока не вся в сборе.

Но мы друг друга понимали.

– На твоего гостя больше рассчитывать не стоит? – спросил Лихачев. – Я о Высшем.

– Нет, – я покачал головой. – Нет. Мне кажется, он насовсем ушел. Что-то они еще с этим... Ваней... обсудили, и он ушел. Надеюсь, велел нас не трогать.

Милана осторожно высвободилась из моих рук. Подошла к Лихачеву, тот молча дал ей сигарету.

– Он ведь во мне тоже был, – сказала она. – Я потом уже поняла, когда вспоминала.

– И что делал? – заинтересовался Лихачев.

После финальной схватки в Гнезде я всё им рассказал. Ну, то, что запомнил. Как во мне вдруг пробудилась чужая, безмерная сила. Пришел бог из машины – и всё исправил.

Я каждый день это вспоминаю, если честно. Как мир застыл, а я шел к Прежнему, по пути приказав умереть чистильщику и погасив огонь, как выдернул Ивана из той странной неуязвимости, в которой он находился...

И ведь никаких эмоций не было. Так, легкое раздражение от того, что нарушаются правила.

– Он как бы ничего не делал, – сказала Милана. – Ну, почти. Только я временами словно по-другому начинала смотреть на мир. Очень спокойно, как на мультик. Он не добрый, нет.

– Высший был правильным, – кивнул я. – В компьютерных играх таких называют «законопослушные нейтральные». Это куда лучше, чем многие другие варианты... Но он не вернется. Мне показалось... – я замялся, – что он смущен. Что он вмешался чуть раньше и чуть больше, чем собирался.

– Очеловечился? – заинтересовался Лихачев. – Ты не говорил.

Я поморщился.

– Да как очеловечился... А *trancas y barrancas*². Стал чуть добрее нейтрального. Потом я еще несколько случаев припомнил, когда начинал на мир смотреть... ну, Милана верно сказала. Как на мультик. Но Высший только смотрел. Один раз вроде как разозлился немного, два ушлепка ночью встретились, и я вдруг стал размышлять, как их убить. Они почувствовали. Испугались. Но он ничего не делал. Я лишь стал резче.

– А я бы и не заметил, – мрачно сказал Лихачев. – Всегда такой.

² А *trancas y barrancas* (исп.) – С горем пополам.

– У меня тоже так было, – призналась Милана. – Я занималась в библиотеке. И поссорилась со своим парнем. Он начал с одной девчонкой флиртовать. Обычно я не обращала внимания, а тут поругалась и ушла. Сидела на остановке и познакомилась с Максимом.

Честно говоря, чего-то подобного ожидал...

– Но на тебя я сама посмотрела! – добавила Милана и улыбнулась. – Тут он не вмешивался, зуб даю. Ты был не мультяшный герой. Ты был такой... хаотичный добрый.

Вот уж не знал, что она любит компьютерные игры!

– Ладно, молодые люди, – резко сказала Елена. – Это очень любопытно и даже где-то трогательно. И я этому Высшему тоже признательна. Но раз надеяться на его помощь не приходится... мы принимаем предложение Ивана?

– Да уже приняли, считай, – вздохнул Лихачев. – Что ж... Елена, у вас есть уникальный шанс продолжить вскрытие. Справитесь?

Елена кивнула.

– А вы в клинике не с такими дрались? – мимоходом спросил Лихачев.

– Нет, – ответила Елена. – Те очень гибкие. Мышцы у них, наверное, тоже странные. Уверена, и эта женщина была сильнее обычного человека. Но суставы у нее совершенно человеческие, так выворачиваться не способны.

– Вы что, проверили? – поразился Лихачев.

– Долго ли вскрыть суставную сумку? Нет, так гнуться она не смогла бы.

Видимо, на моем лице что-то отразилось, потому что Елена сказала:

– Максим, ты сейчас точно тут не нужен. Оставь эту работу мне и полковнику.

– Я справлюсь, – сказала Милана.

– И Милане. А вы с Наськой идите, поговорите с Продавцом. Да-да, тебе тоже нечего тут делать.

Наська хмыкнула. Но спорить не стала, только сказала:

– Мы к вечеру придем. Я только расскажу Гнезду, что тут и как.

– Обязательно, – мягко сказала Елена. – Вернетесь, мы всё расскажем. Посмотрите на ситуацию свежим взглядом.

Я ободряюще кивнул Милане, та улыбнулась в ответ: «Справлюсь».

Мы с Наськой пошли к выходу.

И я поймал себя на мысли: а помирилась Милана со своим бывшим?

Или нет?

Как будто для меня это имеет значение.

Глава шестая

Мы пошли пешком – это предложила Наська, я не стал спорить. Может быть, ее равнодушие к вскрытию было показным. А может быть, ей просто хотелось пройтись по Москве – куколки нечасто выходят из Гнезда.

От Павелецкой до Тверской только на метро быстро. Пешком хода не меньше часа, к тому же я сразу свернул на Большой Краснохолмский мост, чтобы пройти по Котельнической набережной, мимо Зарядья и Кремля. Уж если гулять, то с пользой. Развивать ребенка.

Нормально идти Наська, конечно, не могла. То вышагивала рядом, то забежала вперед. Энергии в ней было столько, что прохожие начинали улыбаться. В какой-то момент куколка задумалась, искоса поглядывая на меня, и сказала:

- Если бы я была постарше, все бы думали, что ты мой парень!
- Да, не свезло тебе, – согласился я.
- А если бы ты был старше, все бы думали, что я твоя дочь. Это тебе не повезло!
- Вопрос спорный, но допустим, – усмехнулся я.
- Так что выбора нет, ты мой старший брат, – решила Наська.

Мы, не сговариваясь, стукнулись кулаками в знак согласия. Вышло красиво, но безрассудно. Я потряс руку.

- Ушибла? – смутилась Наська.
- Есть немного. Откуда в твоих макаронинах столько силы?

– Мышцы особенные... как у той. – Наська нахмурилась и призналась: – Правильно мы ушли. Не хочу смотреть.

– Я тоже, сестренка, – согласился я, за что заслужил ослепительную улыбку. – Пусть такими вещами занимаются специально обученные люди.

– А вот если что сломать или кого побить – это мы! – Наська с грозным рычанием понеслась вперед, размахивая руками и начисто выходя из образа хорошей девочки.

Я улыбнулся. Наверное, со стороны мы и впрямь выглядим братом и сестрой.

Интересно, а у Прежних есть родственные отношения?

Иван притворялся собственным внуком. Это значит, они стареют как люди, но умеют омолаживаться? Обязательно им стареть, или это маскировка, для окружающих? А был кто-то в промежутке? Жена, наверное, была. Дети у них с прежним Иваном были? А настоящие внуки? Чье место он занял, омоложившись? Пустое, наверное, что ему документы...

Чувства, подлинные, человеческие, он испытывает?

Или в целом равнодушен, как Высший, лишь маскируется?

Не знаю.

Но даже похожий на гигантского муравья Инсек или киборг Продавец казались мне куда более человечными, чем такой обычный с виду Прежний.

Мы уже почти дошагали до высотки на Котельнической и устья Яузы. В этом старом небоскребе жил один мой одноклассник, говорил, что ему дом не нравится, а родители считают его крутым и «с историей». Не знаю, как там внутри насчет истории, а снаружи дом выглядит внушительно.

Сегодня, в солнечный и теплый день, Москва была красивой и даже праздничной. Хотя что отмечать-то – День дурака? По Москве-реке проплывали прогулочные теплоходы, на палубе одного что-то праздновали, доносились радостные голоса, люди в яркой одежде прогуливались с бокалами, махали руками прохожим. Я помахал в ответ с привычной с детства готовностью. Вы уезжаете, мы остаемся, уедем мы – вы помашете нам вслед. Это жизнь, вся жизнь – лишь встречи и расставания...

Наська запрыгнула на низенький гранитный парапет, стала махать теплоходу обеими руками, потом выделявать какие-то балетные па и заслужила свою минуту славы. Некоторые, впрочем, кричали что-то неодобрительное – то ли в ее адрес, то ли, скорее, в мой. Я не реагировал. Наська не свалится, если сама не захочет, это уж точно.

Так что я стоял и терпеливо ждал, пока куколка утомится.

Наконец Наська раскланялась, спрыгнула, взяла меня за руку и деловито потащила вперед.

– Концерт окончен? – спросил я.

– Ага, – ответила Наська, и я насторожился. Голос у нее был слишком серьезный. – Значит, так. Сзади идут двое, парень и девушка. Впереди тоже двое, парень и еще один парень. От моста так идут.

– Тут все идут, – пробормотал я, борясь с желанием обернуться. Перед нами, метрах в двадцати, и впрямь топали двое ребят моего возраста.

– Они останавливаются вместе с нами, – пояснила Наська. – Парень с девушкой начинают целоваться, а те двое на реку смотрят.

– Иван приставил наблюдателей? – предположил я.

– Может, да, а может, нет, – ответила Наська. – Давай свернем?

Я подумал секунду.

– Лучше идем дальше. Скоро Зарядье, там всегда много людей. И вообще, чем ближе к Кремлю, тем безопаснее.

– Ну да... – с сомнением сказала Наська. – Хорошо.

Теперь я шел, не отрывая взгляда от парней впереди. Те приближались к Большому Устьинскому мосту, нависающему над набережной. Интересно, что они станут делать, если мы остановимся? Место не то, чтобы глазеть на реку, сыро и неудобно, над тротуаром металлические фермы... Целоваться, конечно, там можно. Поставить, что ли, наблюдателей в неудобное положение?

Хотя кто их знает, вдруг они порадуются остановке...

Но парни остановились сами, пройдя под мостом половину расстояния. Один похлопал себя по карманам, как-то очень картинно, достал пачку сигарет. Что-то спросил у второго, тот покачал головой. Парень с сигаретами закрутил во все стороны головой, тоже несколько наигранно. На вид – парень как парень, в джинсах и футболке, мускулистый, черные волосы коротко стрижены, загорелый, в солярий ходит, наверное. Из богатеньких. Второй бледный, волосы каштановые, тоже короткая стрижка, одет как-то официально – в пиджаке, с галстуком. Клерк, офисный работник? Вышел на обед? Но у него не должно быть свободного времени на прогулку. И если каждый парень по отдельности выглядел нормально, то вместе они как-то... не гармонировали.

Да и кто из молодежи сейчас курит табак? Такие вот ухоженные, на хороших постах, если и станут курить, то траву.

Кажется, Наська была права.

Парень с сигаретами медленно двинулся нам навстречу.

А вот это совсем плохо!

Наблюдатели не должны приближаться к объекту слежки. А этот, судя по всему, собирався попросить огонька.

– Не курю, – громко сказал я, когда между нами оставалось еще метров пять. И замедлил шаг. Мы как раз вступали под мост.

Нормальной реакцией для парня было бы пожать плечами, улыбнуться, вернуться к товарищу.

Но он продолжал идти, медленно разводя руки.

– Твои позади, – сказала Наська негромко.

И ее ладонь выскользнула из моей.

Нет, это была не та скорость, что у меня во время Призыва. И, наверное, даже не такая, как у Дарины в бою.

Но люди так быстро двигаться не умеют.

Маленькая фигурка мгновенно оказалась у подошедшего курильщика. Я едва успел заметить серию ударов. Наська была абсолютно безжалостно: в пах, в живот, в сердце, в горло, потом отпрыгнула – и метнулась к парню в костюме. А тот уже доставал из-под полы пиджака пистолет!

Вопреки кричащим «помоги ей!» инстинктам, я развернулся, запустил руку под рубашку, выдернул свой макаров из кобуры.

Вовремя.

Парочка за нашей спиной не собиралась стоять и целоваться. Девушка бежала впереди, прижимая локти к бокам и как-то собравшись при этом. Только длинные волосы развевались от бега. Очень быстрая и неудобная цель... Увидев у меня пистолет, девушка резко вильнула, уходя с линии огня.

Парень бежал следом, в руках у него была спортивная сумка, и он то ли что-то с ней делал, то ли что-то из нее доставал.

Если вы думаете, что я колебался, стрелять ли в женщину, то вы считаете меня лучше, чем я есть.

Я сразу же начал стрелять.

Первые две пули прошли мимо, она двигалась слишком быстро.

Как Измененные.

Третий выстрел я сделал с упреждением – и пуля ударила девушку в грудь. Она была в темном джинсовом комбинезоне, тоже не самая подходящая одежда для теплого солнечного дня, зато куда удобнее для боя, чем платье. Пятно крови под правой грудью расплылось почти незаметно, но вот удар ее остановил, почти сбил с ног. Девушка взмахнула руками, восстанавливая равновесие, – и я всадил ей в живот еще две пули. Она плюхнулась на попу, стала отползать, быстро перебирая руками, – вывернувшись совершенно неестественным образом.

Слуги!

Я держал ее под прицелом, но не стрелял. Мне очень не хотелось тратить следующие три патрона.

Парень наконец-то отбросил сумку. В руках у него осталось что-то здоровенное, странное, похожее на короткий гранатомет с широченным стволом.

Вот тут я сомневаться перестал. Очень уж мне не понравилась эта штукавина.

Я рухнул на одно колено, перехватил кисть правой руки левой ладонью – и всадил шестую пулю прямо в лицо парню, чуть ниже правого глаза.

В общем-то тут точность не требовалась, но я попал идеально.

Мне показалось, что я даже вижу в рваной ране, среди крови и белых осколков кости, багровое свечение особой пули.

От точки вхождения пошла серая волна. Лицо парня превращалось в камень и рассыпалось песком. Оружие выпало, гулко стукнув о тротуарную плитку, голова развалилась вся, а тело, словно у обезглавленной курицы, дергающимися шагами попыталось идти вперед.

Но волна превращения уже опускалась вниз, крошились плечи, с отвратительным шмяканьем упали руки – еще человеческие, но уже каменеющие.

Проезжающая мимо машина взревела двигателем, водитель дал по газам, стремясь убраться подальше.

Не осуждаю.

Раненая девушка посмотрела на своего спутника, потом на меня. В глазах у нее стоял страх. Извернувшись уже знакомым мне нечеловеческим движением, она в два прыжка достигла парапета и перемахнула через него в Москву-реку.

Я бы на ее месте подумал хорошенько, городская водичка может добить и надежнее, чем инопланетные технологии.

Оставив мертвого Слугу каменеть и рассыпаться в песок, я повернулся к Наське и ее противникам.

Тут всё было куда хуже.

Избитый ею курильщик вовсе не валялся в отключке на тротуаре (а я был уверен, что любого, даже тренированного, человека такая серия ударов надолго отвлечет от боя). Он бодро, хоть и согнувшись, ковылял, норовя зайти к Наське сзади.

А куколка боролась с парнем в костюме. Повиснув на нем, словно мелкий злобный питбуль, она одной рукой выкручивала его кисть с зажатым в ней пистолетом, второй била в корпус. Опять же, у обычного человека шансов тут никаких. Но парень тоже был Слугой, судя по тому, как ловко он выворачивался из Наськиного захвата. К тому же ей не хватало массы. Куколка была как ежик из анекдота – сильная, но легкая. Всё, что она могла, – это словно клещ цепляться за парня и колотить его. Тот, в свою очередь, удерживал Наську свободной рукой на максимальном удалении и время от времени, поддавливая момент, бил куколкой по стальной опоре моста. Сколько там она весила – килограммов тридцать? Слуге этот вес явно был нипочем.

К сожалению, он держался слишком близко к Наське, чтобы стрелять в него.

Поэтому я всадил седьмую пулю в спину курильщика. Сигареты вредят здоровью.

Пробежав мимо каменеющего и хрипящего тела, я нацелился парню в костюме в живот. Тот попытался заслониться Наськой, но сейчас это было затруднительно, куколка, игнорируя удары, выворачивалась в сторону.

Так что я приставил пистолет к животу «клерка» и сказал:

– Отпусти.

Секунду тот колебался, потом отпустил Наську. Она повисла у него на поднятой вверх руке, заламывая кисть.

– Пистолет тоже, – сказал я.

Он явно размышлял, и поводов для обдумывания у него было ровно два.

– Не успеешь, – сообщил я. – А стрелял я семь раз.

Парень разжал руку, пистолет упал, Наська отцепилась, по-кошачьи ловко рухнула на тротуар, схватила пистолет и отступила на несколько шагов. Судя по тому, как шелкнул не то взводимый курок, не то предохранитель, стрелять она умела.

– Не надо, – сказал парень, глядя на меня. Лицо у него оставалось спокойным, но в голосе слышался испуг. – Поговорим.

– Ты зачем обижал мою сестренку, скотина? – спросил я.

Мне очень хотелось выстрелить. Но делать этого было нельзя.

– Мы хотели поговорить, – сказал парень. – Только поговорить. Пистолет – чтобы напугать.

– Давай я проверю, – с ненавистью сказала Наська.

– Не надо, – ответил парень. – Мне будет больно, но я не умру.

– Это хорошо, что больно, – сказала Наська и выстрелила.

Вот я не рискнул стрелять, когда она была так близко к противнику!

Пистолет негромко чпокнул – глушитель там, что ли? Макаров бил куда громче. Парень пошатнулся. В поле пиджаке появилась дыра, ткань стала стремительно намокать.

– Не надо, – повторил парень. – Мы не враги. Это недоразумение.

– И что, попросишь отпустить? – спросил я.

– Попрошу, – он облизнул губы. – Ты убил двоих наших. Мы не знали, что у тебя есть петрификационные патроны. Это наша вина, мы лишь хотели поговорить. Сейчас уже не время, отпусти... мы свяжемся.

– Что скажешь, Наська? – спросил я.

Куколка молчала. На щеке у нее проступал здоровенный кровоподтек от заклепки на опоре моста, и это меня очень злило... Представляю, как ей было больно.

– Отпусти, – решила Наська. И кровожадно добавила: – Убить всегда успеем.

– Вас послал Иван? – спросил я.

Парень покачал головой:

– Иван? Какой именно Иван?

Поскольку я молчал, он продолжил:

– Мы сами. Это наша инициатива.

Я толкнул парня, тот отскочил на несколько шагов. Сразу же зажал рукой рану. Посмотрел на Наську, на меня. Неожиданно сказал:

– Мы действительно не хотели такого развития событий. Мы приносим свои извинения.

Развернувшись, он рванул через дорогу. Очередная проезжающая машина возмущенно загудела.

Осмотревшись, я обнаружил две кучки песка и смятую одежду. Что ж, два-ноль в нашу пользу, если девушка-Слуга выживет.

– Ты как? – спросил я Наську.

Она поморщилась, опустила руку с трофейным пистолетом. Из глаз у нее покатались слезы.

– Больно? – Я подошел, присел рядом. Осторожно потрогал щеку. – Ничего не сломала?

– Заживет... у нас быстро заживает... – Наська всхлипнула. – Я не справилась! Я должна была тебя защищать!

– Так Гнездо тебя послало как телохранителя? – сообразил я.

– Угу...

– Глупая Наська, – я обнял куколку. – Да ты прекрасно справилась. Ты отвлекла двух уродов. В одиночку я бы ничего не смог!

– Точно?

– Ну конечно. Голову-то включи!

Наська утерла слезы, оглядела поле боя. Сунула мне пистолет:

– На...

Пошла и подняла валявшееся в стороне кепи, слетевшее в самом начале схватки. Отрянула и водрузила на голову. Потом спросила:

– У тебя последний патрон был обычным?

– Да, – признался я. – Как поняла?

– Ты на этого... так смотрел. Если бы мог убить – застрелил бы. Хорошо, что он не понял. Я кивнул.

Да, тут мне повезло.

Несмотря ни на что, этот офисный планктон в пиджачке мог бы укатать нас обоих. Мне, наверное, хватило бы одного удара. А потом бы он справился и с моей малолетней охранницей.

– Ну почему я не стража, – грустно сказала Наська. – Я бы их на кусочки порвала... ай!

Она отдернула руку от щеки.

– Очень хорошо, что ты не стража, – сказал я. – Пойдем-ка отсюда. Хотя постой, надо выкинуть одежду в реку.

Что мы и сделали. Никаких документов или другого оружия не нашли. Непонятную здоровенную пушку я засунул обратно в сумку и повесил сумку на плечо.

А потом мы продолжили путь.

Словно ничего и не случилось.

И скажу сразу – никаких переживаний я не испытывал. Сами напросились, переговорщики...

В старые времена мы бы далеко не ушли. Даже если бы рядом не оказалось прохожих, люди звонили бы в полицию из проезжающих машин, нас заметили бы видеокамеры с системами искусственного интеллекта, которых в центре было как грязи. К месту перестрелки кинулись бы полицейские патрули, сработал бы какой-нибудь план «Перехват», наши фотографии через минуту были бы в каждом смартфоне.

А сейчас, если даже нас и сняли камеры, – информация доберется до участка не раньше дежурной машины, из которой выйдет офицер и, позевывая, сменит в камере флешку. Водители (все-таки в центре движение и сейчас активное) лишь прибавляли газа. Если кто-то из них и решит сообщить в полицию, ему придется искать ближайший таксофон. Разве что из окон высотки перестрелку мог заметить какой-нибудь скупающий жилец – и броситься звонить правоохранителям.

Ну а дальше-то что? Без мобильной связи, с одними рациями и голосовой связью это лишние минут пять-десять задержки.

А мы через десять минут уже были среди людей, гуляющих по парку Зарядье.

Когда тут в свое время неожиданно соорудили парк (говорят, таким образом президент наказал какого-то олигарха, пытавшегося оттяпать кусок земли в центре и построить там жилой комплекс с видом на Кремль), то главной заботой сотрудников было вырастить хоть что-то интересное в нашем суровом климате. Это где-нибудь в Европе, согретой Гольфстримом, даже зимой тепло и зелено.

Перемена всё изменила.

Теперь навевающий тоску газон «Северные ландшафты» сменился маленькой рощей кокосовых пальм и банановых деревьев под названием «Краснодарские сады», а на месте березок вырос «Крымский муссонный лес».

Бананы, впрочем, толком не вызревали – как ни штрафуй, а все равно посетители их обрывали еще зелеными.

Наська успокоилась, кепи лихо сдвинула набок, и кровоподтек стал почти не заметен. Я в горячке драки, выхватывая пистолет, выдрал с мясом пуговицу на рубашке, но чем хороши гавайки – они яркие и такие мелочи на них не видны. С плащом ничего не случилось, а если бы он и порвался, то через полчаса зарос бы.

Куда больше опасений у меня вызывала сумка с оружием. Рамок металлоискателей не было видно, но на такую грудку металла могли сработать и какие-нибудь совсем незаметные детекторы.

Пробираясь сквозь толпу – здесь всегда было многолюдно, даже ночью тусили туристы и гуляки, – я купил Наське мороженого, а себе банку лимонада. Выпил в два глотка. Нервы никак не желали расслабляться.

Если бы не перестрелка, я бы обязательно постоял с куколкой на парящем мосту, вынесенном из парка над рекой. А потом мы бы пошли мимо Кремля и Исторического музея. Мне хотелось поболтать с Наськой и понять, что она вообще знает о современном мире. Интересна наша жизнь Измененным или так, Земля лишь временное пристанище. Наверное, мне бы удалось ее разговорить.

Но теперь времени на прогулку не осталось. Я был уверен, что на месте перестрелки уже работает полиция – и вряд ли это люди Лихачева, скорее всего, какое-нибудь спецподразделение, охраняющее центр. Чихать они хотели на заступничество полковника и на мою корочку «консультанта».

- Возьмем такси, тут рядом стоянка, – сказал я Наське. – Ты в Гнездо, а я вначале к Продавцу.
- Но ты придешь? – уточнила куколка.
- Надеюсь, – ответил я. – Я ведь призванный. Пусть и в отставке.

Глава седьмая

Я проследил, чтобы Наська вошла в бывшее министерство. Потом позвал Гнездо.

Каким бы странным ни был разум Гнезда (а может, это и не совсем разум, а какая-нибудь нематериальная нейросеть на основе личностей всех Измененных), но мой настрой он уловил. Гнездо отозвалось не сразу и с явным смущением.

«Никогда не используй Наську как моего защитника, – подумал я. – Никогда. Ясно? И не смей мне больше врать!»

Нас с Гнездом связывали странные отношения. Я был и с ним, и вне его одновременно. Я очень многое сделал, и Гнездо это понимало. И пусть призванные не спорили с Гнездом – я уже не был в Призыве.

Я стал добровольцем.

Гнездо сказала – своим странным языком образов и чувств, – что оно не врало. Ему действительно нужно было понять, что случилось у Продавцов. И Наську оно отправило наблюдать, ну а моя охрана – это так, на всякий случай... никто не ждал... и ведь она помогла!

В общем, мы друг друга поняли.

Частично.

Гнездо осталось убежденным в своей правоте. Я тоже понимал, что без Наськи меня, скорее всего, схватили бы, и неизвестно, что там случилось бы дальше – разговор по душам или быстрый путь в реку с переломанной шеей.

Но кулол в качестве охраны Гнездо пообещало больше не направлять.

Я пошел к Комку, придерживая тяжелую сумку с непонятным оружием и внимательно поглядывая на редких прохожих. Главная беда с этими Слугами в том, что они неотличимы от людей, пока не начинают действовать.

Но засады не было. Я честно выждал очередь из шести покупателей, все – незнакомые и явно случайные, а не серчеры. Выходили они быстро, с сумками, набитыми продуктовыми излишествами. Пожилые люди тащили черную икру, какие-то коньяки в немислимо помпезных бутылках, банки фуа-гра. У стариков это обычное дело: попробовать то, что в обычных магазинах не продается или стоит немислимых денег, то, о чем могли лишь мечтать в юности. Они словно не понимают, что кристаллики тоже деньги, лишь выглядят иначе, и покупать на них всякую ерунду глупо.

Вышедший предпоследним мужчина был возбужден и восторжен, ему явно хотелось с кем-нибудь поделиться радостью от покупки. Но стоявшая передо мной женщина уже вошла в Комок, а две девчонки-школьницы у меня за спиной для этого явно не годились.

– Альбом «Битлов» добыл, – сказал мужчина в пространство, но глядя на меня. Был он старенький, подслеповато щурящийся, но бодрый. – Редчайший!

– Найс, – ответил я из вежливости.

– Гляди, – мужчина бережно развернул плоский бумажный пакет. Внутри оказалась пластинка, древняя, виниловая. «Битлов» я, конечно, слышал, да и на ярком конверте узнал. Но вообще-то обложка выглядела гадко. Леннон, Маккартни и как там еще двоих звали, вечно забываю, радостно лыбились в объектив. Одеты они были в белые медицинские халаты, а в руках держали разобранных на куски пластиковых кукол. У одного музыканта на коленях лежала лысая целлулоидная голова, а к плечам прижимались обезглавленные тела. Дополняли картину куски кровавого мяса и кости, которыми обложились музыканты. Называлась пластинка «Вчера и сегодня».

– Какая гадость, – сказал я искренне. Может, в какой-то другой момент я бы отнесся к экстравагантной обложке спокойнее, но сейчас у меня из головы не шел труп Прейжней, кото-

рый сейчас вскрывали, и недавний погром в Гнезде, где на части погромсали совсем не кукол, а куколок.

– Вы не понимаете, – возмутился мужчина. – Редчайший диск! Общественность не приняла обложку, почти весь тираж переделали!

Я подумал, что общественность порой бывает умнее, чем ее передовые представители.

– Вы же понимаете, что это не оригинал? – спросил я. – Это молекулярная копия. Продавец мог вам скрипку Паганини выдать, а мог шапку Мономаха.

– Я не люблю Паганини, я люблю «Битлз»! – ответил мужчина, запаковывая свой диск. Энтузиазм у него не пропал, но дополнился раздражением.

– Бывает, – согласился я.

Мужчина всё не уходил, видимо, собирался поспорить, что-нибудь сказать о молодежи, не понимающей классическое искусство, и прочие положенные глупости. Но тут, к счастью, вышла покупательница, женщина с очень строгим, даже чопорным лицом и тяжелой сумкой, полной каких-то лекарств. Я нырнул в Комок, искренне надеясь, что мужчина попытается похвастаться своей покупкой перед ней и, скорее всего, тоже не найдет понимания.

Продавец ждал меня за стойкой. Невозмутимый и доброжелательный.

– Рад вас видеть, Максим. С нетерпением жду новостей.

Я смотрел на укутанное в слои ткани тело и не мог избавиться от мысли о том, что под одеждой – металлический цилиндр с синей жижей, а голова и руки насажены на штыри.

– Вы даже не закрыли торговлю, – сказал я.

– Осуждаете? – Продавец шумно вздохнул. – Гибель одного из нас – редкое и печальное событие. Но это не повод огорчать клиентов и терпеть убытки. Знаете такой анекдот: «Кто же в лавке остался?»

– Знаю, – кивнул я. – Не осуждаю. Ваш товарищ действительно мертв.

– Это я и так знал, – согласился Продавец. – Что с ним случилось?

– У него пробит цилиндр корпуса, – сказал я. – Вот здесь...

– На себе не показывайте, примета плохая! – Продавец никак не отреагировал на слова про «цилиндр». Конечно, он понимал, что их природа для меня уже не секрет. – Гель закрыл пробоину?

– Частично вытек.

– Плохо, – Продавец снова вздохнул. – А органические части? Голова, кисти рук?

Он ткнул себя пальцем в нос.

Издавается, что ли?

Нет, ну правда?

– Скорее живы, – сказал я. – Во всяком случае, не разлагаются.

– Если гель подтек, то это ненадолго, – Продавец покачал головой. – Что из себя представляет рана? Вы сделали фото?

Фотографировал Лихачев, я не догадался.

– Чуть позже будут, – пообещал я. – Рана... ну, широкая довольно дыра, сантиметров пятнадцать длиной, сантиметра два шириной. Рядом валяется топор.

– Топор? – Вот сейчас мне удалось его поразить.

– Ага, – сказал я. – Обычный, хозяйственный. Лезвие вымазано этим гелем. Но у дыры края выгнуты наружу.

Продавец молчал, почесывая подбородок. Потом сказал:

– Это как-то странно. Верно?

– Не то слово, – согласился я. – А внутри, за занавеской, между койкой и стеклянным кубом, лежит мертвая женщина.

– Господи! – воскликнул Продавец. – Ну это-то ему зачем? Вы же осмотрели моего товарища, зачем ему могла потребоваться женщина? У нас нет органов, которые могли бы ее заинтересовать!

Я оставил этот крик души без внимания. Продолжил:

– Мы начали вскрытие. Пытались понять, почему женщина умерла, на ней ран не было. Оказалось, что у нее шестикамерное сердце, всякие дополнительные вены и артерии, а мышцы имеют нечеловеческую структуру.

Теперь Продавец безмолвствовал. И я пересказал ему всё: и как позвал Лихачева, и как мы нашли «экспертов», и как явился Иван и предложил свою помощь. Закончил соболезнованиями, которые передал Прежний, и его предложением разбираться в случившемся вместе.

Единственное, про что я предпочел не говорить, так это про нападение Слуг.

Продавец молчал так долго, что я всерьез подумал, не завис ли его мыслительный аппарат. Киборг все-таки.

Я даже подошел ближе и помахал ладонью у него перед глазами.

– Очень странно, – сказал Продавец. – Одно никак не сходится с другим. Прежние не могут войти в Комок, защита этого не допустит. Если бы женщина лежала у дверей...

Он снова замолчал.

– Может, вошла, умерла, а ваш товарищ ее затащил за штору? – предположил я.

– Зачем? – спросил Продавец. – Ну и самое странное, как ему пробили корпус?

– Изнутри, – напомнил я.

– Гель под большим давлением, – вяло ответил Продавец. – Если пробить корпус, то гель выплеснется и выгнет металл наружу. Но топором? Невозможно. И почему не сработала защита? Знаете, что будет, если вы попытаетесь меня убить?

– Не получится? – предположил я.

– Нет, – подтвердил Продавец. – А вот с вами всё будет плохо. В Комке мы защищены.

Он опять замолчал.

– Ну так что нам делать? – спросил я. – Иван просит расследовать гибель этой женщины. Оборудование всякое готов подогнать. Но это вроде как ваша территория, если вы против...

– Я не против, – сказал Продавец. – У нас нет постоянных врагов, бывают лишь временные недопонимания. Мы очень доброжелательны. Но... но...

– Что ему сказать?

– Максим, это всё может оказаться гораздо опаснее, чем я думал, – сказал Продавец. – Вы вправе отказаться от моего задания.

– А мутаген?

– Нет задания, нет оплаты, – Продавец покачал головой.

– Ну тогда чего спрашиваете? Я не откажусь. Командуйте.

– Расследуйте дальше, – решил Продавец. – Передайте Ивану, что мы принимаем его сочувствие и готовы к временному сотрудничеству, с надеждой, что оно перерастет в постоянное.

Произнес он это так, что стало ясно – решение принято, и далось оно нелегко.

– Тогда я попрошу вас дать мне боеприпасы, – сказал я.

– Что так? – заинтересовался Продавец.

– Раз всё «может оказаться гораздо опаснее», – выкрутился я.

Продавец шумно втянул носом воздух. Сказал с укором:

– А вы недавно стреляли, да?

– Это не касается расследования.

Продавец погрозил мне пальцем. Заметил:

– Вы становитесь мудрее, Максим. Вы начали понимать, что информация – это самый дорогой товар.

Я кивнул.

– Магазины для макарова? – спросил Продавец.

– Да, разные. И дробь на всякий случай. Ту самую, петрификационную.

Продавец кивнул:

– Хорошо. Это логичная просьба, и я ее исполню. Но постарайтесь не начать новую галактическую войну, юноша... Что-нибудь еще?

– Если можете дать какой-то совет – приму с благодарностью, – ответил я.

– О, я все время даю вам советы, но вы не всегда их замечаете, – поддел Продавец. Пошел к шторе, отодвигая ее остановился, обернулся ко мне: – С вас рэдка за патроны, Максим.

– Я же веду для вас расследование! – удивился я.

– Никогда не надо путать ситуативный союз, в котором каждая сторона преследует личные интересы, и долговременную поведенческую стратегию, – ответил Продавец.

Дарина встретила меня сразу за дверью Гнезда.

Вряд ли она тут ждала, конечно. Может, о моем приближении сообщило Гнездо, а может быть, стража.

Обо всем случившемся она, конечно, знала от Наськи.

И вид жницы ничего хорошего не предвещал.

– Зачем вы пошли пешком? – выпалила она, едва я вошел в фойе. – Это опасно!

– Москва, центр, день! – парировал я. – Дарина, я не могу по родному городу ездить в броневику. У меня его и нет, кстати.

– Давай купим тебе машину? – предложила Дарина, с тревогой глядя на меня. – Бронированную!

– Чего? – поразился я. – У Гнезда так много денег?

Жница смутилась.

– Нет. У меня даже доступа к счету нет, он был у матери. Но можно что-то придумать. Что-то продать.

Она говорила на полном серьезе. Я вздохнул, обнял Дарину, она дернула плечами, словно собиралась вырваться, но осталась.

– Дарина, ну что за ерунда. Я не могу ездить в броневику, это дорого, это глупо, это все равно не спасет от нападения. Я буду осторожен, обещаю.

Дарина чуть не плакала.

– Почему ты запретил Гнезду посылать с тобой Наську?

– Потому что она ребенок, а не боец!

– Давай я с тобой пойду? Я сильнее.

– Ты нужна тут. Когда следующих куколок привозят?

– Сегодня вечером, – Дарина беспомощно оглянулась. – И эта... прыгалка... все еще в Изменении... Да, точно не смогу уйти. Максим, я боюсь за тебя!

Ох уж эти женские переживания! Всю жизнь за тебя волнуется мать, а как только появляется девушка – начинает тревожиться она.

Вообще какой-то день женских тревог сегодня! Разве что Наська лучится оптимизмом, но это в силу возраста.

– Всё будет хорошо, – упрямо сказал я. Подмигнул страже: – Верно ведь?

– У тебя хороший боевой опыт, – согласилась стража.

– Же понимает, – обрадовался я.

– Но я думаю, это случайные успехи, – продолжила стража. – Без Призыва твои боевые качества не слишком выдающиеся.

Предательница!

– Дарина, ты меня покормишь? – спросил я. – Зря утром не поел.

Сработало!

Это и с мамой всегда прекрасно работало, и с Даринкой не подвело.

– Ой, пошли! Что ты сразу не сказал...

Мы двинулись в кафе. На прощание я окинул стражу хмурым взглядом, но, похоже, она не смутилась.

– Зря я согласилась, – озабоченно говорила Дарина по пути. – Ну что нам, плохо? Я на самом деле не очень хочу становиться обратно человеком! Вдруг не смогу ходить?

– Продавец сказал, что вылеченное остается вылеченным.

– А вдруг?

– Буду тебя носить на руках, – сказал я. – В чем-то даже удобно – не убежишь и не догонишь.

– Дурак ты, Максим... – вздохнула она. И тут же, без перерыва, спросила: – А как там Милана? Наська сказала, она приехала.

– Норм, – ответил я. – Дарина...

– Ну?

– Мы с ней друзья.

– Угу, – буркнула Дарина и опять сменила тему: – Что у тебя в сумке? Наська говорила про пушку какую-то.

– Да сам не пойму...

Мы сели за первый попавшийся столик в пустом кафе. Я окинул взглядом зал. Подумал, а как тут всё было при полном Гнезде? Измененные питались по какому-то графику? Куколки, жницы, стражи... За отдельным столиком ест мать и хранитель? Толстые здоровяки монахи обедают в своей компании?

Или, как это обычно бывает у Измененных, всё с виду безалаберно, хаос и анархия, на самом деле управляемые Гнездом? Захотел есть – пришел... Странный у них все-таки социум.

– Я сейчас, – сказала Дарина. – Ты будешь рыбу или мясо?

– Все равно.

– Я быстро...

Я слышал, как она возилась на кухне. Звякала посуда. Насколько я знал, государство выделяет Измененным продуктовые наборы, ну, как безработным, пенсионерам, детям. Так еще со времен первой ковидной пандемии повелось. Наверное, это оформлено какими-то указами? А может быть, и не потребовалось специально оформлять, Измененные ведь в большинстве своем еще не вышли из детского возраста. К тому же выделяются пайки на всех, кто попадает в Гнездо... а живет их тут куда меньше.

Ну да. Наверное, именно так. С голода не умрешь, но и разносолов не наешься. Что там в наборах – макароны, крупы, сахар, растительное масло?... Когда-то клали еще шоколад, но плантации какао-бобов сильно пострадали, так что нынче в пайках карамельки и соевые плитки.

Я подумал, что надо сходить на рынок и купить хорошего мяса. Или прямо в Комке заказать, кристаллики пока есть. Понятно, что полное Гнездо я не накормлю, но нынешний-то состав – легко. Можно сделать плов, у меня получалось – если знать главный принцип, то из любого риса и мяса получится вкусно. Плов – это ведь универсальная пища, для бедняков и богачей.

Или нажарить стейков на гриле. Надо узнать у Дарины, что тут с грилем.

И что вообще Измененные больше любят.

Кофе они хлещут как не в себя, это факт!

Дарина вернулась с подносом в руках. Поставила передо мной тарелку с супом – судя по виду и запаху рыбным, во второй была гречка с мясом. На блюде лежали два кусочка белого хлеба и два кусочка черного. И кусок масла.

– Масло-то зачем? – удивился я.

Дарина смутилась.

– Ну... жиры в питании нужны... верно? Мы утром едим масло или сало. Раз ты утром не ел...

Она так смешно выглядела, что я взял ее за руку. Сказал:

– Спасибо. Я люблю масло. Только знаешь... можно ложку?

Дарина вспыхнула и унеслась на кухню. Вернулась со столовыми приборами, солонкой и перечницей. Призналась:

– У меня бардак в голове. Так испугалась, когда Наська рассказала про этих бандитов.

– Оставшийся в живых утверждал, что они хотели только поговорить, – сказал я.

– Ничего себе разговорчики...

Я попробовал суп. Да, это был типичный супчик из рыбных консервов: жиденький, с разваренной рыбой и макаронами. Будь там картошка, получилось бы вкуснее. Но с картошкой в мире плохо, изменение климата как-то сильно на нее повлияло. Из всей Европы ее теперь выращивают только в Белоруссии и очень неплохо на этом зарабатывают.

Наверное, Измененные понимают, что это не самая вкусная еда. Но как сказала бы Дарина: «Йод и прочие микроэлементы нужны в питании, верно?»

Так что они едят рыбу.

– Вкусно, – сказал я.

– Правда? – просияла Дарина. – Я сама готовила. Это работа жниц, но я раньше редко дежурила по кухне...

– Даринка, глянть в сумке – что это за оружие? Сильно страшная штука?

Дарина легко поставила сумку на стол, раскрыла. Извлекла ствол. Хмыкнула.

– Ничего особенного. Это сеткомет. Американский. Его иногда использует полиция, но еще чаще – зоологи. Кассета на три заряда, сеть вылетает на расстояние двадцать метров, площадь поражения – шестнадцать квадратных.

– Порвать трудно?

– Даже мне было бы трудно. Стража смогла бы. Но тут... – она легко и умело откинула от раздутого ствола казенную часть, где обнаружился барабан на три широкие цилиндрические гильзы, – тут сеть с разрядником. Опутывает и бьет током. Она, кстати, еще и липкая на воздухе становится. Вот здесь переключатель, просто стрелять или с разрядом...

– Откуда ты это знаешь?

– Я на кухне редко бываю, – Дарина улыбнулась. Со щелчком захлопнула ствольную коробку. – А вот оружие – моя ответственность. Обучаю куколок. У нас очень большой выбор земного оружия!

– А неземного? – спросил я. Отодвинул пустую тарелку (да, я героически всё съел) и взял гречку с мясом. Это, конечно, была свиная тушенка. На свиней разрушение Луны не повлияло, они плодились так же, как и раньше.

Дарина замялась.

Я ел и терпеливо ждал. Гречка с мясом – это вкусно, ее трудно испортить. Я даже намазал маслом кусок черного хлеба и подобрал подливку.

– И неземного, – решила наконец Дарина. – Но его нельзя использовать на Земле. И доступ к оружейному сейфу есть только у матери.

– Да я вовсе не собирался просить у тебя бластер! – возразил я.

Соврал, если честно.

Я бы от какого-нибудь супероружия не отказался.

Впрочем, у меня снова есть особые патроны, а они убивают всех.

– Извини, – виновато сказала Дарина. – Но мы и так с тобой все правила нарушаем. Инсеки этого не любят.

– Инсек, – поправил я. – Он вроде ничего так оказался. Может, поговорить с ним?
– Хочешь совсем уж всё усложнить? – Дарина улыбнулась. – Продавцы, Прежние, Слуги – и еще Инсек?

Я подумал, подтирая корочкой хлеба подливку. Сказал:

– Ну, знаешь, в нашем положении чем больше неразберихи – тем может быть и лучше. Пусть они все смотрят друг на друга с подозрением, а?

Дарина задумалась. Потом встрепенулась:

– Ой, я забыла... Что тебе попить принести? Кофе, чай? Есть сок яблочный. Есть молоко.

– Можно просто воды?

Дарина нахмурилась, сказала:

– Максим, у нас много еды, ты не волнуйся. Сок неплохой, даже куколки пьют.

– Давай сок, – согласился я.

Пока она бегала на кухню, я убрал сеткомет обратно в сумку. Что ж, мечту о чудо-оружии пришлось оставить. Но, с другой стороны, веры в слова Слуги стало больше.

Получается, зря я двоих убил?

Но тут я вспомнил, как Наську колотили о стальную опору моста, и покачал головой.

Нет уж.

Так переговоры не ведут.

И вдруг я почувствовал, как Гнездо тянется ко мне – тревожно и быстро, будто набегаящая волна. Я даже отстранился на миг, попытался закрыться. Это не очень приятно, когда с тобой начинают говорить внутри головы.

Но Гнездо звало меня, и я открылся.

Воспринял сумбурный поток образов.

Встал, достал из сумки один из купленных у Продавца магазинов и перезарядил пистолет.

Подбежала Дарина, ухитрившаяся принести стакан сока и, кажется, даже его не расплескать. Глянула на меня и ничего не сказала. Поняла, что я уже в курсе.

– Спасибо, – я взял стакан и выпил сок.

Он был вкусный.

– Иван пришел один, – выдохнула Дарина.

– Мне казалось, что он больше не рискнет приближаться к Гнезду, – сказал я. – Тем более к этому.

Дарина кивнула:

– Я тоже так думала. Но он не вошел, он у дверей ждет.

– Поговорим, – я пожал плечами. – Есть что обсудить в нашем неожиданном сотрудничестве.

И засунул пистолет за ремень со спины.

Глава восьмая

Прежний не входил.

Стоял в паре шагов от дверей, ждал. Когда я вошел в фойе, он поднял руку и помахал: увидел, несмотря на темноту и грязноватые стекла.

Да, в общем, я и не сомневался, что его органы чувств лучше человеческих.

– Ты останься, – сказал я Дарине. Но она упрямо пошла со мной.

Сумку с сеткометом я бросил на полу, рядом со стражей. Измененная стояла чуть пригнувшись, неотрывно глядя на Ивана. Из больших пальцев рук у нее выдвинулись кривые короткие когти.

– Же, если начнется драка – отвлеки его, – сказала Дарина.

– Попробую, – пообещала стража.

Победить Прежнего, если дело дойдет до схватки, никто не рассчитывал.

В общем-то я не рассчитывал и убежать, даже если стража ухитрится отвлечь Ивана секунд на десять.

Поэтому я резко открыл дверь, вышел из здания и спросил:

– Ну?

Иван приподнял бровь. И ответил вопросом:

– Ты что творишь, Максим?

– Я?

Вот сейчас мое удивление не было наигранным. Иван начал хмуриться. Изучающе посмотрел на Дарину, потом снова на меня. Спросил:

– На набережной ты был с куколкой, верно?

– Да.

– Зачем вы напали на... – Он запнулся.

– На кого? – спросил я.

– Как я понимаю, на Слуг, – задумчиво сказал Иван. – Да еще и с запрещенными патронами... судя по двум кучкам песка и выловленной в реке одежде.

– Вы их послали? – спросил я.

– Я не использую Слуг, – резко ответил Иван. – Это профанация и дикость!

Так, всё становилось куда интереснее, чем я ожидал.

– Они пытались нас схватить, – сказал я. – Пришлось защищаться.

Иван размышлял. Потом уточнил:

– Кто первый выстрелил?

– Я. Если бы они начали стрелять, мы бы тут не стояли.

– Чем они были вооружены?

– Этим, – неожиданно вступила в разговор Дарина. Я даже не заметил, когда она достала из сумки отобранный у Слуги пистолет и где его прятала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.